

№58.

1906.

ОКТАБРЬ.

БОЖІА НИВА

СЕ ИЗЫДЕ СЪМІ ДА СЪЕТЪ.

ОСТАВИТЕ
ДѢТИ ПРИ
ХОДИТИ
КОМНѢИ
НЕБРАНИ
ТЕ ИМЪ

АНГЛИИХЪ
НА НЕБѢХЪ
ВЫНОУ ВИ
ДАТЬЛИЦЕ
ОЦА МОЕГО
НЕБНАГО.

ТРОИЦКІЙ СОБЕЩАНИКЪ ДЛ ПРАВОСЛАВНОЙ ШКОЛЫ И СЕЛЫ.

НАШИМЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Божіей помощью изданіе **БОЖІЕЙ НИВЫ** будетъ продолжаться и въ предстоящемъ 1907 году въ пріятной для насъ увѣренности, что труженики народныхъ школъ, какъ и прежде, будутъ находить въ немъ то, что такъ благопотребно для нихъ въ наше тревожное время, когда люди самыхъ различныхъ взглядовъ и направленій съ легкимъ сердцемъ берутся рѣшать сложные вопросы педагогики, съ готовностью даже оспаривать иногда у обученія право быть „воспитывающимъ“... Какъ и въ предыдущемъ году, считаемъ своимъ долгомъ принести благодарность всѣмъ, кто съ любовью откликается на наше печатное слово присылкою своихъ дневни-

ковъ, замѣтокъ и писемъ, вмѣстѣ съ которыми поступали въ редакцію и многочисленныя выраженія признательности за наше посильное дѣло на благо родины и на пользу родного просвѣщенія въ духѣ православно-русскихъ завѣтовъ.

Зная, какъ православно-русскіе люди дорого цѣнятъ все, что исходитъ отъ обители великаго Печальника Русской земли, какъ они нуждаются въ добромъ словѣ назиданія, редакция **БОЖІЕЙ НИВЫ**, въ надеждѣ на помощь Божию и молитвы угодника Божія преподобнаго Сергія, и вступаетъ, откликаясь на духовные запросы нашихъ читателей, въ 6-й годъ изданія своего журнала. При этомъ, какъ и въ минувшіе годы редакция не оставитъ своей первоначальной задачи—служить главнымъ образомъ раскрытію и рѣшенію вопросовъ школьнаго воспитанія и освѣщать тѣ вопросы, которые могутъ интересовати не только школу, но и семью, не только тружениковъ на нивѣ народнаго просвѣщенія, но и родителей. А тревоги времени, когда въ печати и обществѣ слышится столько крайнихъ сужденій по этимъ вопросамъ еще болѣе утверждаютъ ее въ этомъ намѣреніи, тѣмъ болѣе что среди нашихъ читателей—по преимуществу руководителей народнаго просвѣщенія, не мало и людей домашняго очага—людей, интересующихся общими вопросами воспитанія.

Такой характеръ журнала **БОЖІЕЙ НИВЫ** исключаетъ, конечно, представленіе о какомъ либо журнальномъ дидактическомъ направленіи его. Онъ можетъ удовлетворять запросомъ всѣхъ интересующихся воспитаніемъ дѣтей въ духѣ православно-русскихъ завѣтовъ. *По принятому порядку* и въ будущемъ 1907 году мы дадимъ 12 №№ **БОЖІЕЙ НИВЫ** и 12 книжекъ **ЗЕРНЫШЕКЪ** для дѣтскаго чтенія, изъ коихъ каждая представляетъ какъ-бы маленькій назидательный сборникъ. Цѣна журнала съ приложеніями остается прежнею 1 рубль въ годъ съ пересылкою.

Имѣя въ виду, что печатаніе адресовъ съ разными почтовыми формальностями замедляетъ въ началѣ года разсылку журнала, редакция покорнѣйше проситъ высылать деньги заблаговременно съ приложеніемъ адреса, по которому получался журналъ. *Наложнымъ платежемъ журналъ не высылается.*

Подписка въ текущемъ году продолжается. Новые подписчики получаютъ всѣ вышедшіе номера, начиная съ 49-го, за 1 р. Первый, второй, третій и четвертый томъ **БОЖІЕЙ НИВЫ** (1—12—1902 г.; 13—24—1903 г.; 25—36—1904 г.; 37—48—1905 г.) можно получать безъ переплета за 1 р. 10 к. каждый, въ папкѣ по 1 р. 25 к., а въ коленкоровомъ переплетѣ за 1 р. 75 к. съ пересылкою. **ЗЕРНЫШКИ** можно получить по 5 к. книжку безъ пересылки и по 7 к. съ пересылкою, а при требованіи на 1 р. высылается 20 книжекъ. Съ прошлаго года въ

редакціи имѣются годовые томики **ЗЕРНЫШЕКЪ** въ коленкоровыхъ переплетахъ съ общимъ счетомъ страницъ, которыя можно приобрести по 80 к. безъ пересылки и по 1 р. съ пересылкою.

Журналъ „БОЖІЯ НИВА“ одобренъ Училищнымъ Советомъ при Святѣйшемъ Синодѣ для выписки въ бібліотеки церковныхъ школъ.

Епархіальные училищные советы могутъ внести „БОЖІЮ НИВУ“ въ списокъ изданій, требуемыхъ ими изъ Училищнаго, при Св. Синодѣ, Совета за счетъ суммъ, ассигнуемыхъ на школьныя бібліотеки.

Редакторъ Епископъ **НИКОНЪ**.

ЗА АВТОРИТЕТЪ РОДИТЕЛЕЙ

Что можетъ быть безотраднѣе дѣтства, для котораго нѣтъ ничего святого ни въ храмѣ, ни въ семьѣ, ни въ школѣ, нигдѣ и ни въ чемъ, кромѣ личной персоны, къ услугамъ которой должно быть все, а она ни чему?! А между тѣмъ въ наше время такія дѣти—не рѣдкость. „Долой воспитывающую школу, не нужно намъ такой школы“—кричатъ на собраніяхъ и у себя дома родители. А дѣти идутъ далѣе: часто съ той-же самой кафедрой, съ которой говорятъ родители, и они кричатъ: „долой эту школу“, присоединяя къ этому и новое недовольство: „долой и родителей“... Безъ разбора родители оплевываютъ школу, а дѣти въ отвѣтъ на это оплевываютъ и школу и родителей. Такъ опасно подрывать въ дѣтяхъ уваженіе къ авторитетамъ. Между тѣмъ и въ наше время повторяется то же, что было въ 60-хъ годахъ, когда разнузданная печать систематически начала ниспровергать всѣ авторитеты. И тогда, какъ и теперь, началась безпощадная травля родителей и школъ,—дѣти возстановлялись противъ тѣхъ и другихъ. Родители испугались: ихъ называли „деспотами и тиранами“ своихъ дѣтей, и дабы не заслуживать этихъ эпитетовъ, они ма-

лодушно отреклись отъ всякаго воспитанія, предоставивъ дѣтямъ расти какъ трава въ полѣ, на всей широтѣ своеволія. Такъ семья деморализовала дѣтей. Нравственная атмосфера, которою дышали дѣти, была ужасная. И теперь, къ прискорбію, совершается то же самое крушеніе авторитетовъ божественныхъ и человѣческихъ, и теперь, вглядываясь въ настроеніе своихъ дѣтей, родители, а часто и деморализованная школа съ „передовыми“ учителями пытаются успокоить себя и уврачевать недуги дѣтства не тѣми средствами, какими слѣдуетъ.

„Отцы и матери!—взываетъ одна изъ матерей къ родителямъ предъ выборами предсѣдателя родительскаго комитета одного реальнаго училища¹⁾—зададимъ себѣ по совѣсти вопросъ: уважаютъ-ли насъ въ большинствѣ случаевъ наши подростающія дѣти въ такой мѣрѣ, какъ это намъ хотѣлось бы? Съ болью приходится отвѣтить отрицательно. Наши дѣти насъ не уважаютъ и поэтому плохо слушаются нашихъ совѣтовъ даже тогда, когда эти совѣты являются самою истиною“... И этотъ-же плачъ

¹⁾ Педагогич. записки. Прилож. къ журн. Зорька, 1906, № 1.

надъ утратою родительскаго авторитета сейчасъ же сопровождается плевками по адресу существующихъ школъ и воспитателей... Не нужно въ школахъ лицъ „излюбленныхъ школьною администраціею“... Намъ нужно „людей независимыхъ, стоящихъ внѣ подозрѣнія въ смыслѣ національныхъ антипатій“... Бѣдная ораторша хочетъ возстановить родительскій авторитетъ предъ дѣтьми, а сама подрываетъ довѣріе къ тѣмъ, кто послѣ родителей ближе всего стоятъ къ дѣтямъ! Плюетъ въ колодець, изъ котораго все-же приходится пить воду... Думаетъ-ли она о томъ, что деморализація дѣтей вѣдь часто начинается съ неуваженія лицъ, не принадлежащихъ къ семьѣ, съ попраанія авторитетовъ святыхъ подвижниковъ, героевъ и т. п. Вѣдь даже и самые выдающіеся преступники, въ собственномъ смыслѣ слова челоѡконенавистники, обычно сначала оставляютъ въ покоѣ членовъ своей семьи, промышляя на сторонѣ, а потомъ, по мѣрѣ развитія преступной страсти, начинаютъ избирать жертвы своей преступной дѣятельности и въ своей же собственной семьѣ. Не думайте, чтобы ребенокъ, которому позволяютъ ударить чужую курицу, корову, или лошадь, былъ застрахованъ отъ того, чтобы при случаѣ не ударить и свою... Ударяютъ, больно ударяютъ иногда и по сердцу любящихъ родителей дѣти, причемъ первые часто и не замѣчаютъ того, что ихъ ударъ наносится туда-же, куда они учили наносить его другимъ... Вотъ поучительная иллюстрація, вотъ до очевидности понятная дѣйствительность.

— Вставай, Петя,—время собираться въ классъ, уже 8 часовъ.

— Сегодня не пойду въ классъ, не хочется; лучше еще посплю, спать

хочется. И завернувшись въ одѣяло, съежился Петя и замолкъ.

— Вотъ глупости—спать хочется! выспишься, какъ придешь, а теперь вставай, лѣнтяй ты этакой. Такъ нельзя. Ну,—встань-же, голубчикъ, скорѣе пей чай и иди.

— Я тебѣ сказалъ, что не пойду, и не приставай—все равно не пойду. Если тебѣ нравится, то иди, а я не намѣренъ. Чего я тамъ не видѣлъ, глупой рожи учителя?

— Петя, вѣдь ты второй годъ въ приготовительномъ классѣ. И тебѣ не стыдно! На третій годъ не оставлять. Куда я дѣну тебя? Въ сапожники придется отдать...

— Не оставляй—и не нужно; велика бѣда. Что мнѣ тамъ дѣлать? Пусть бы переводили въ первый классъ.

— Какъ же тебя перевести, когда ты и въ прошломъ году не учился: день пойдешь, а два дома. А когда и ходилъ, то толку было мало: на урокахъ только безобразничалъ, да записи потомъ приносилъ въ дневникъ.

— Не учился потому, что не хочу этому учиться. Пусть бы учили насъ, какъ слѣдуетъ, а то учатъ Богъ знаетъ чему,—не тому учатъ, что нужно; только головы забиваютъ. Они — дураки, я не хочу учиться.

— Петя, что за глупости ты говоришь? Не твое дѣло разсуждать объ этомъ. Я тебѣ велю идти—и иди. И откуда ты взялъ, что не тому учатъ, чему слѣдуетъ? Писать нужно умѣть, читать, задачи рѣшать?

— Всѣ говорятъ, что не тому. Читать и писать я умѣю, а всякія правила—пустяки, лишь-бы я умѣлъ писать. Это всѣ говорятъ. И папа говорилъ, и ты, какъ были у насъ Лозовскіе, даже въ газетѣ тогда читали. Я совсѣмъ не хочу голову себѣ забивать.

— Противный мальчишка, сію ми-

нуту вставай и иди, а не то я тебя кушакомъ; мнѣ надоѣло уже посылать въ гимназію записки, что ты боленъ. Слышишь! вставай, а то я возьму кушакъ.

— Попробуй только! Уйди. Отстань отъ меня. Мнѣ нужно отдохнуть, не лѣзь.

Дальше эта сцена приняла безобразный характеръ. Мать была такъ оскорблена, что просто не нашлась, какъ ей и что дѣлать. Несчастливая она кинулась за помощью къ учителю Пети, его классному наставнику, рассказала все это и просила заставить Петю ходить на уроки и учиться.

Учитель заявилъ, что у него нѣтъ для этого рѣшительно никакихъ мѣръ. Единственная была мѣра—это нравственное воздѣйствіе, но и его теперь нѣтъ, потому что авторитетъ школы совершенно подорванъ въ глазахъ мальчика.

Послѣ этого Петя больше недѣли не являлся на уроки, а потомъ и совсѣмъ выбылъ изъ гимназіи.

Такъ крушеніе авторитета школы разбило и авторитетъ родителей. На этотъ же путь ниспроверженія авторитетовъ за родителями вступаютъ часто и воспитатели, которые вытравливаютъ изъ сознанія дѣтей уваженіе къ всему святому и священному... Не говоримъ уже о взглядахъ нѣкоторыхъ современныхъ либераловъ, давно уже поющихъ погребальныя пѣсни воспитывающей школѣ...

А вотъ другая, но уже отрадная дѣйствительность 1). На одной изъ желѣзнодорожныхъ станцій какого-то скромно одѣтаго старца лѣтъ 70—80, но еще бодраго, окружаютъ 5 іереевъ и, прощаясь, цѣлуютъ у него руки. По всему видно, что это скромные смирен-

ные служители алтаря. Оказывается, это дьячекъ—отецъ, котораго провожаютъ пятеро священниковъ, его дѣтокъ. Когда почтенный старецъ сѣлъ въ вагонъ, одинъ изъ путниковъ заговорилъ съ этимъ патріархомъ.

— Какъ это Богъ помогъ вырастить вамъ такихъ дѣтокъ?

— Я ихъ самъ училъ по часовнику и псалтири, отвѣтилъ старецъ, и ни на одинъ шагъ отъ себя не отпускалъ, либо я, либо мать непременно съ ними; потомъ у меня правило, чтобы ни одинъ изъ нихъ ни на одну минуту не былъ безъ дѣла, и кромѣ церкви и своей усадьбы больше никакой дороги не зналъ, и Господь послалъ—вышли: слава Ему, Создателю! Теперь вотъ одинъ благочиннымъ, другой депутатомъ округа, третій—то же самый любимый своими братьями и остальные всѣ хорошіе ребята. Тяжело мнѣ было съ ними, за то теперь радостно. И онъ осѣнилъ себя, молча, старческой закорузлою рукою. Никому не повѣрю, что наши духовныя школы и учителя плохи; мы плохи—это правда. И привезутъ, и отвезутъ, и одѣтъ, какъ барчука, и у каждого деньги въ карманѣ, и живутъ въ хоромахъ, и кушаютъ—какъ мы и у господъ не ѣдали, и учителя то имъ говорятъ „вы“, все не въ честь, ни въ славу—и все люди виноваты и плохи...

Такимъ образомъ простецъ-старецъ—этотъ истинный и честный воспитатель своихъ дѣтей—правильно сѣмѣлъ понять значеніе авторитета для дѣтей. Для него школа—авторитетъ, его родительская власть—авторитетъ. Воспитывая въ нихъ любовь къ храму Божьему, къ труду, не ослабляя своего родительскаго надзора, онъ воспиталъ и любовь и уваженіе къ себѣ.

Д. Введенскаго.

(Окончаніе слѣдуетъ).

1) См. Тамб. еп. вѣд. 1905 г. № 40.

СВѢТЛАЯ ЮНОСТЬ—СТРАДНАЯ СТАРОСТЬ¹⁾.

(Воспоминанія).

I.

На всякомъ мѣстѣ владычества Его бла-
слови душе моя Господа (Псал. 102, 22).

На высокой горѣ, живописными склонами спускающейся къ Москвѣ-рѣкѣ, стоитъ величественный храмъ Рождества Христова, блестя большими крестами на фонѣ бирюзоваго неба. На значительномъ разстояніи отъ него на другой горѣ, отдѣляемой глубокимъ оврагомъ отъ первой, ютятся маленькіе домики членовъ церковнаго причта. Вотъ на косогорѣ, подобно гнѣзду ласточки, лѣпится, утопая въ зелени деревьевъ и кустарника, хижина стараго пономаря. За нею правѣе отъ зрителя стоятъ по прямой линіи въ рядъ три зданія, обращенныя фасадомъ къ храму. Вотъ за хижинкой пономаря виднѣется подобная ей хижина дьячка, отличающаяся отъ первой только новой соломенной крышей. Вотъ новенькій, чистенькій съ веселой свѣтелкой домикъ діакона. Вотъ и дорогая мнѣ колыбель моего дѣтства—старинный, съ темною тесовою крышею, съ большимъ крытымъ крыльцомъ посрединѣ—домъ священника. За зеленѣющими ветлами, ого-

родами и садами раскинулось по нагорной равнинѣ вплоть до большой дороги (въ Рузу) родное село Каринское (Звенигор. уѣзда, Москов. губ.).

Каждому мила его родина. Не даромъ говорить поэтъ:

Страна, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бытія,
Поля, холмы родные,
Родного неба милый свѣтъ,
Знакомые потоки,
Златые игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки—

Что вашу прелесть замѣнить?..

Если вообще такъ дорога человѣку родина, то еще дороже становится она, когда одарена красотою природы. Родное мнѣ село принадлежитъ къ числу тѣхъ живописныхъ мѣстностей, которыми такъ богатъ Звенигородскій уѣздъ. Иду ли по узкой тропинкѣ вдоль рѣки вверхъ по теченію, я восхищаюсь цѣпью горъ, то покрытыхъ ковромъ ярко-зеленой травы, то окутанныхъ густою листвою молодаго орѣшника; постепенно понижаются онѣ къ западу отъ храмовой горы и вмѣстѣ съ поворотомъ рѣки скрываются въ дымокъ темнаго кустарника. Спускаюсь-ли въ одно изъ горныхъ ущелій, я вижу и слышу, какъ

Студеный ключъ играетъ по оврагу

И, погружая мысль въ какой-то смутный сонъ,

Лепечетъ мнѣ таинственную сагу

Про мирный край, откуда мчится онъ...

Пойду-ли я за околицу на сѣверъ отъ храма въ открытое поле, съ удивленіемъ наблюдаю, обращаясь чрезъ нѣсколько шаговъ пути назадъ, какъ

¹⁾ Редакція печатаетъ эту статью одного почтеннаго преподавателя семинаріи въ надеждѣ, что она съ удовольствіемъ прочтется тружениками школы и дастъ отдыхъ душѣ среди тревогъ нашего времени, тѣмъ болѣе, что при чтеніи ея какъ-то особенно вскрывается значеніе въ жизни человѣка чистаго дѣтства, которое призваны охранять работники на явѣ дѣтскихъ сердецъ. Печатаю эту статью въ журналѣ, Редакція надѣется, что добрый руководитель дѣтей найдетъ здѣсь и такія странички, которыя съ удовольствіемъ выслушаются и дѣтьми. Ред.

предъ моимъ взоромъ величественный храмъ постепенно опускается: сперва ограда и нижнія окна, затѣмъ огромный сводъ, первый и второй этажи колокольни, наконецъ, куполы и кресты. Недолго иду я по зеленой, незримо поднимающейся и опускающейся, равнинѣ. Миновавъ не большой перелѣсокъ, я опять стою на горѣ, живописно спускающейся въ небольшую долину, за которой направо на широкомъ горномъ скатѣ красуются ровныя, разноцвѣтныя полосы всевозможнаго хлѣба, а слѣва—небольшая деревня Спасское. Спускаюсь по укрытой кустарникомъ тропинкѣ внизъ. Вотъ шумъ... „волшебный шумъ колесъ“ на мельницѣ дяди Игната. Иду по лавамъ: налѣво — поросшій травой задумчивый прудъ, направо подъ ногами—темный бочагъ, переходящій въ свѣтлую, быструю рѣчку, скрывающуюся въ зелени полей. Возвращаюсь назадъ... снова блестящіе кресты храма. Обращаю взоръ свой на востокъ, черезъ панораму полей, луговъ и деревень на темно-синемъ горизонтѣ вижу пылающее пламя какъ бы отъ яркой свѣчи... это блеститъ золотой куполъ соборнаго храма мирной обители Преподобнаго Саввы, Сторожевскаго Чудотворца. При этомъ сама рука поднимается кверху, снимаетъ картузикъ, а дѣтскія уста тихо лепечутъ слова краткой молитвы, которой едва не съ колыбели научила меня родная матушка: *Преподобне Отче Савво, моли Бога о насъ!*

Но болѣе всего любилъ я цѣлыми часами сидѣть возлѣ ограды храма и смотрѣть вдаль на южную, зарѣчную страну. Эта обширная, слегка поднимающаяся къ горизонту, равнина достойна кисти художника.—Прямо передъ глазами по бѣлому и желтому песочку спокойно течетъ Москва-рѣка;

на противоположномъ отъ зрителя берегу, отбѣняемомъ нависшими надъ водою густыми ивовыми кустами, растетъ молодая березовая роща. Одѣтая въ свѣжую зеленую ризу, съ стройными серебристыми стволами, она возбуждаетъ свѣтлое, радостное чувство и, кромѣ того, съ дѣтства памятна мнѣ своимъ таинственнымъ эхомъ. Нерѣдко я, стоя на своемъ берегу рѣки, бесѣдовалъ съ нимъ, предлагая различные вопросы и получая желанные отвѣты. Такъ я громко восклицалъ слѣдующія слова: „кто прельстилъ Адама вкусить отъ запрещеннаго древа?“ и получалъ отчетливый отвѣтъ: „Ева!“—Направо отъ рощи—бѣдная деревенька Дедерево съ развалинами барскаго дома; налѣво, при крутомъ поворотѣ рѣки, на высокомъ берегу—деревня Аниково, за которой мелькаетъ укрытое зеленью деревъ помѣстье князя Трубецкаго. Цвѣтушій паркъ этого помѣстья переходитъ въ темнозеленую сосновую рощу, скрывающуюся за горизонтомъ. На далекомъ юговостокѣ подъ яркими лучами солнца сіяетъ какъ бы изъ блестящаго серебра вычеканенный ландшафтъ—это большая песчаная гора, у подножія которой стоитъ ослѣпительной бѣлизны церковь села Луцына.

Но главнымъ образомъ вниманіе мое сосредоточивалось на широкомъ и далекомъ центрѣ картины. Предъ моимъ взоромъ—цѣлое море желтѣющей нивы, бѣлой гречихи, зеленого льна, овса, ячменя, которое разноцвѣтными, то длинными, то короткими, то долевыми, то поперечными полосами услаждаетъ взоръ. Среди таинственной тишины красую блещущей природы любилъ я нерѣдко наблюдать за появлявшейся возлѣ горизонта черной точкой. Она то быстро двигалась, то скрывалась среди высокихъ колосьевъ

хлѣба, то снова двигалась и опять пропадала въ кустахъ, которые то тамъ, то здѣсь были разбросаны по краямъ полосы и по сторонамъ проселочной дороги. Проходило около часу времени, пока движущаяся точка не облекалась въ форму деревенскаго экипажа, запряженной въ него темной лошади, которая огибала деревню Аниково и съ шумомъ съ крутизны погружалась въ волны рѣки, чтобы достигнуть каринскаго берега.

Такъ щедрою рукою Великій Художникъ разсыпалъ вокругъ моей колыбели дары красы—природы. Когда сверхъ сего я вспоминалъ отцовскій садъ, а въ немъ множество фруктовыхъ деревьевъ, ягодныхъ кустовъ, гряды душистыхъ овощей, высокіе столбы хмеля, цвѣточные клумбы возлѣ маленькаго прудочка; когда вспоминалъ садикъ особенно любившаго меня крестьянина дяди Василья, часто на рукахъ уносившаго меня къ себѣ на село подъ своды яблонь съ цѣлыми гроздами висѣвшихъ надъ головою красныхъ, бѣлыхъ, желтыхъ—сквозныхъ плодовъ (при чемъ мнѣ дозволялось снимать какое мнѣ полюбится яблоко), то моя цвѣтушая и благоухающая родина казалась мнѣ земнымъ раемъ. Все, что видѣло мое око, что наблюдалъ мой дѣтскій умъ, чѣмъ восхищалось мое сердце, было для меня дивнымъ, необъятнымъ храмомъ, гдѣ незримо обиталъ Самъ Господь, полный неизреченной любви и милосердія къ Своему юному творенію. Въмѣсто купола въ этомъ храмѣ былъ прозрачный сводъ небесъ; высокія горы были какъ бы престоломъ Божиимъ; солнце, луна и звѣзды — это были лампы и свѣчи; вмѣсто волнъ еиміама земля со всѣхъ своихъ концевъ кадила дыханіемъ благоухающихъ цвѣтовъ. Въ этомъ храмѣ все живущее

славило Творца; вся жизнь твореній была какъ бы непрерывнымъ богослуженіемъ. И я... юный хотѣлъ нести Господу въ даръ за разсыпанныя вокругъ меня благодѣянія слова благодаренія и готовность чистымъ дѣтскимъ сердцемъ исполнять Его святую волю. Мнѣ казалось, что и всѣ окружавшіе меня творили Его волю.

Приходила осень, за ней зима—покрывала бѣлой пеленой поля, лѣса и горы. Тогда кровные и близкіе моему сердцу люди научали меня словомъ и своею жизнію тому, чему поучала меня своимъ премудрымъ устройствомъ и красотою безмолвная природа.

Бывало, когда бушуетъ осенній вѣтръ и воетъ зимняя непогода, въ кухнѣ лежишь на теплой печкѣ вмѣстѣ съ матерью и со словъ ея изучаешь молитвы и тропари, съ голоса усвояешь мотивы ихъ напѣвовъ. Въ раннемъ дѣтствѣ я такимъ способомъ кромѣ повседневныхъ молитвъ изучилъ текстъ и напѣвы тропарей на Рождество Христово, на Богоявленіе, Пасху и т. д., изучилъ и особенно нравившуюся мнѣ по содержанію и мотиву вечернюю пѣснь: *Свѣте тихій*. На ряду съ изученіемъ молитвъ и пѣнопѣній я часто внималъ и одушевленнымъ разговорамъ. „Въ алтарѣ нашей церкви за престоломъ“, говорила мнѣ матушка, „стоитъ св. крестъ. Беззаконные Іудеи распяли Сына Божія, Христа Спасителя: возложили на голову Его колючій вѣнецъ, такъ что струи крови орошали пречистое тѣло Его, пригвсдили руки и ноги Его, копьемъ пронзили ребро Его“... Этотъ чудный для меня разговоръ возбуждалъ въ моемъ дѣтскомъ сердцѣ негодованіе противъ жестокихъ мучителей, любовь и жалость къ Тому, Кто повѣшенъ былъ на крестѣ въ храмѣ. Я готовъ былъ бѣжать къ отцу

(о чемъ прерывающимся голосомъ говорилъ матери) умолять его отпереть церковь и снести меня въ алтарь: я выну (говорилъ я) гвозди изъ рукъ и ногъ Распятаго и освобожу Его отъ мученій. Мать успокоивала меня, объясняя, что „крестъ въ церкви—это есть изображеніе того великаго событія, которое совершилось въ городѣ Іерусалимѣ 1800 съ лишнимъ лѣтъ тому назадъ. Своею крестною смертію Сынъ Божій сокрушилъ силу діавола, во власти котораго въ аду были всѣ люди со времени грѣха первыхъ людей Адама и Евы, не послушавшихъ заповѣди Божіей и вкусившихъ плода отъ запрещеннаго древа. Онъ воскресъ, воскресить и насъ, когда мы умремъ, и введетъ съ Собою въ рай, если будемъ избѣгать грѣховъ“... Эти слова изливали цѣлебный бальзамъ въ скорбное дѣтское сердце, возбуждали въ немъ желаніе дѣлать только доброе, за что ожидаетъ человѣка рай несравненно свѣтлѣе и краше (по словамъ матушки), чѣмъ моя прекрасная и цвѣтущая родина.

Часто ходилъ я въ зимнюю пору великимъ постомъ съ матерью въ церковь. Св. храмъ, высокій, свѣтлый, украшенный художественными картинами и образами въ серебряныхъ и золотыхъ ризахъ, поражалъ меня своимъ величіемъ, таинственностью и красотою. Изъ картинъ на меня производила потрясающее впечатлѣніе картина воскрешенія Лазаря за клиросомъ праваго придѣла и на западной стѣнѣ храма картина страшнаго суда съ пламенемъ огня, пожирающаго грѣшниковъ, проливающихъ слезы и страждущихъ отъ всевозможныхъ орудій мученія черныхъ демоновъ (въ настоящее время эти картины уничтожены: замѣнены другими).—Зимою служба въ теплой церкви

села Каринскаго совершалась по преимуществу въ правомъ придѣлѣ св. Михаила, епископа Синадскаго; я съ матушкой стоялъ противъ лѣваго придѣла въ честь мученика Мины. Набожная старушка, мать моя, съ строгимъ профилемъ, гладко причесанными темными волосами, въ зеленомъ салопѣ, истово творила крестное знаменіе, вперяя взоръ свой въ св. иконы, и часто совершала земные поклоны. Ея примѣру старался подражать и я. Болѣе всего мое молитвенное вниманіе останавливалось на мѣстной иконѣ Спасителя съ золотымъ, отдѣляющимся отъ нея, скипетромъ въ рукѣ и на храмовой иконѣ св. мученика Мины (Память его совершается 11 Ноября). Послѣ службы я подолгу останавливался предъ этой послѣдней иконой. „Мученика Мину воина“, говорила мнѣ мать, „мучитель убѣждалъ отречься отъ Христа обѣщаніемъ награды и всякихъ земныхъ радостей. Но онъ презрѣлъ всѣ обѣщанія и подвергся жестокимъ мученіямъ, которыя изображены вокругъ его иконы. Вотъ, по приказанію мучителя, св. Мину бичуютъ воловьими жилами и кровь ручьемъ течетъ изъ ранъ его. Затѣмъ повѣшеннаго на деревѣ мученика строятъ желѣзными когтями и съ силою растираютъ раны его жесткимъ волосянымъ платкомъ. Вотъ опаляютъ тѣло его горящими свѣчами, влечать связаннаго по укрѣпленнымъ на землѣ желѣзнымъ крючкамъ, трезубцамъ и гвоздямъ и сверхъ того поражаютъ истерзанное тѣло его оловянными прутьями. Наконецъ, св. Мина былъ убитъ мечемъ и останки его сожжены на кострѣ. Такъ злобою людскою разрушена была земная храмина тѣла страдальца, но его святая душа переселилась въ райскія обители, гдѣ въ славѣ и неизреченной радости на-

слаждається она лицезрѣнія Божія“. При цьому съ средини иконы на меня глядѣлъ свѣтлый, радостный, блещущій неземною красою мученикъ съ вѣнцомъ, украшеннымъ разноцвѣтными камнями, въ золотомъ панцирѣ и латахъ, съ блестящимъ копьемъ въ рукѣ. Онъ какъ бы звалъ меня на подвигъ мученичества. Но я, слабый и немощный мальчикъ, сознавалъ, что не могу стерпѣть ни одного изъ тѣхъ мученій, которыя на иконѣ окружали его свѣтлый ликъ, и проникался безпредѣльнымъ благоговѣніемъ къ недосягаемому для меня мужеству и терпѣнію святаго страдальца.

Отець рано началъ учить меня грамотѣ. Въ одинъ изъ длинныхъ зимнихъ вечеровъ онъ пришелъ въ кухню, гдѣ я постоянно пребывалъ вмѣстѣ съ двумя старшими меня сестрами, сѣлъ со мной за бѣлый обѣденный столъ, развернулъ на немъ принесенную новенькую азбучку и съ Богомъ началъ со мною учёбу. Быстро изучилъ я славянскую азбуку, напечатанную крупнымъ шрифтомъ, и гражданскую подъ нею мелкой печати. Затѣмъ послѣдовали склады и чтеніе словъ подъ титлами: Ангелъ, Ангельскій, Архангелъ, Архангельскій, Богъ, Божество. Скоро азбука замѣнена была большимъ въ хорошемъ переплетѣ Псалтиремъ крупной печати съ изображеніемъ передъ первымъ псалмомъ царя Давида въ порфирѣ коронѣ и съ арфою. Когда окончено было чтеніе Псалтиря, въ которомъ любилъ поучаться я *вечеръ, завтра и полудне*, я началъ изучать Свящ. Исторію по „Начаткамъ Хрістіанскаго ученія“ Митроп. Филарета. Менѣе всего я занимался ариеметикой.

Отець мой былъ человѣкъ суровый. Быть можетъ, семья и школа 30-хъ годовъ съ ея жесткимъ обращеніемъ съ

дѣтьми, съ ея сѣченіями „на воздусяхъ“, въ двѣ и три лозы, стояніемъ на колѣнахъ на полу и на горохѣ, наложили на него печать этой суровости. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ человѣкъ въ высшей степени трезвенный, честный, прямой, дѣятельный, заботящійся о благолѣпіи храма и богослуженія, учительный, авторитетный въ церкви и въ частной жизни поселянъ, хорошій хозяинъ, самъ своими руками трудившійся въ саду, огородѣ и на полѣ, мудрый совѣтникъ крестьянина во всѣхъ обстоятельствахъ его жизни и опытный (славный по округу) врачъ его тѣлесныхъ недуговъ. Не скрою, что я боялся отца, какъ и всѣ мои братья и сестры, боялся, но и благоговѣлъ предъ нимъ, любилъ его за его высокія душевныя качества, за его спокойные, плавные, интересные рассказы объ искушеніяхъ и подвигахъ святыхъ, о чудесахъ ветхозавѣтной и новозавѣтной Церкви, объ его личной борьбѣ съ неправдою людскою, о помощи бѣднымъ, о защитѣ имъ слабыхъ и обижаемыхъ, о своихъ бѣдствіяхъ и злостраданіяхъ... Во время этихъ живыхъ рассказовъ разглаживались морщины на его челѣ, лицо, обрамленное большою серебристою бородою и волнистыми сѣдыми волосами, полно было одушевленія, величія и мощной красоты. Любя отца, я страшился оскорбить его какою-либо шалостью или проступкомъ, а его похвала моимъ успѣхамъ несла мнѣ несказанную радость. Помню одинъ случай. Была Іюльская жара. Отець съ ранняго утра отправился въ поле на работу. Туда же отправились мать и сестры. Я, какъ мало-пригодный для полевой работы (мнѣ было 5 лѣтъ), сидѣлъ дома одинъ и готовилъ урокъ изъ „Начатковъ Хрістіанскаго ученія“ о побѣдѣ Давида

надъ Голиафомъ. Далеко за полдень прѣзжаетъ отецъ съ поля, въ бѣлой длинной сорочкѣ и черномъ жилетѣ, утомленный, запыленный, сердитый... Черезъ нѣсколько минутъ онъ спрашиваетъ меня приготовленный урокъ. Страшно было отвѣчать усталому человѣку, но урокъ былъ приготовленъ хорошо. По окончаніи его, отецъ обращается ко мнѣ съ вопросомъ: „а знаешь-ли ты, что такое праща?“ Я отвѣчаю: „нѣтъ“. Тогда отецъ выходитъ со мною изъ дома, беретъ палку, обдѣлываетъ ее топоромъ, искусно разсѣкаетъ на концѣ ея мѣсто для камня, вкладываетъ камень и съ силою пускаетъ его въ ближайшее холостое строеніе на разстояніи 100 шаговъ. Я пораженъ былъ простотою оружія Давида и силою удара, но болѣе всего тѣмъ, что дотолѣ мрачное лицо отца оживилось и какъ-то просвѣтлѣло, вмѣсто нахмуренныхъ бровей и суроваго выраженія лица я увидалъ на устахъ его улыбку, которая и была мнѣ наградой за прекрасно выученный урокъ.

Нерѣдко отецъ мой бралъ меня съ собою въ сельскую школу, гдѣ онъ былъ одинъ и законоучителемъ и учителемъ. Здѣсь я помогалъ въ чтеніи крестьянскимъ мальчикамъ, изъ которыхъ было много у меня и друзей; наприм.: мой крестовый братъ Вася Пчелкинъ изъ села, Миша Ладягинъ изъ деревни Устья, Паша изъ Улитина. Всѣ деревенскіе мальчики были привѣтливы со мною; я не помню въ ихъ обращеніи ни одной неделикатной выходки, ни одного грубаго слова, тѣмъ болѣе обычной въ настоящее время среди крестьянъ ругани. Мало того, каждый изъ моихъ школьныхъ сотоварищей старался сдѣлать мнѣ что либо пріятное. Они носили меня на плечахъ (всѣ учившіеся въ школѣ

мальчики были гораздо старше и крѣпче меня); зимою возили меня по селу на санкахъ, катали меня съ высокой храмовой горы къ рѣкѣ. Это послѣднее удовольствіе было столько же пріятнымъ, сколько и страшнымъ, ибо отъ быстрой ѣзды съ кручи по уступамъ горы занимался, какъ говорится, духъ. Нерѣдко также мои товарищи приглашали меня въ свои хаты и съ ласковымъ привѣтомъ угощали своею неприветливою трапезою...

Но не долго суждено было мнѣ утѣшаться раемъ моей родины, посѣщеніемъ сельскаго храма и любовію окружавшихъ меня юныхъ поселянъ. Въ Маѣ мѣсяцѣ 1867 г. въ каретѣ (железной дороги тогда еще не было), утопая отъ слабости въ подушкахъ, прибылъ въ домъ отца зять его, священникъ г. Москвы отъ церкви Успенія Божіей Матери, что въ Таганкѣ, Александръ Сергѣевичъ Холмогоровъ. Московскіе врачи, видя послѣднюю степень скоротечной чахотки, посоветовали Ал. Сергѣевичу отправиться на дачу въ Звенигородскій уѣздъ, доселѣ извѣстный чистотою и пѣлебною своего воздуха. Онъ избралъ для дачи село Каринское. Но напрасно предлагала болящему богатые дары свои моя чудная родина, напрасно вдыхалъ онъ въ себя ароматы садовъ и полей; напрасно сидѣлъ иногда въ креслѣ (какъ доселѣ ясно помню,—въ темномъ подряникѣ, съ кожанымъ поясомъ и въ черной скуфьѣ) во дворѣ дома, гдѣ нарочито разсыпали вокругъ него свѣжій навозъ; напрасно было лѣченіе извѣстнаго въ то время своею медицинскою опытностію звенигородскаго врача Іерусалимскаго; больной таялъ, какъ свѣча... и 4-го Іюля Ал. Сергѣевичъ тихо скончался. Первый разъ я смотрѣлъ въ страшное лицо смерти. Но она не поразила меня въ

то время такъ удручающе, какъ пора-
жала въ послѣдующіе годы моей жи-
зни. Бѣлое матовое лицо съ правиль-
нымъ, точно изъ мрамора выточен-
нымъ, носомъ, украшенное черною бо-
родою и волосами, полно было той кра-
соты, которой при жизни сіяли его бла-
городная душа и тѣло. Привезенный
изъ Москвы серебряный глазетовый
гробъ (въ деревнѣ я видѣлъ издали
только бѣлые и желтые тесовые гроба),
полное, бѣлое священническое обла-
ченіе, въ которомъ положенъ былъ
почившій, евангеліе и крестъ на гру-
ди его, частыя панихиды, чтеніе Еван-
гелія діаконами въ блестящихъ сти-
харяхъ—все это говорило не о скорби
и печали, не о глетворномъ вѣяніи
смерти, но скорѣе о какой-то новой
чудной жизни мирно почившаго, о
какой-то радостной гайнѣ и великомъ
торжествѣ.

Дѣйствительно, торжественно было
совершенно погребеніе новопреставлен-
наго іерея Александра. Наканунѣ его
было отслужено (рѣдкое въ деревнѣ)
всенощное бдѣніе, на утро совершена
была литургія, затѣмъ отпѣваніе по-
чившаго цѣлымъ сонмомъ іереевъ въ
бѣлыхъ блестящихъ облаченіяхъ и
торжественное погребеніе въ присут-
ствіи огромныхъ массъ народа при
праздничномъ колокольномъ звонѣ,
среди цвѣтовъ и ароматовъ ликующей
природы. Угасъ одинъ яркій огонекъ.
Однимъ пастыремъ добрымъ, сердеч-
нымъ, привѣтливимъ, трудолюбивымъ,
краснорѣчивымъ въ Москвѣ стало
менѣе... Послѣ погребальнаго торже-
ства осталась на восточной сторонѣ
алтаря главнаго храма села Корин-
скаго одинокая могилка съ посажен-
нымъ въ головахъ ея маленькимъ
деревцемъ. И я не думалъ, что это
мирная могилка будетъ имѣть боль-
шое значеніе въ моей жизни, при-

несетъ мнѣ столько горя и слезъ.
Въ томъ же Іюлѣ мѣсяцѣ 1867 г.,
когда скончался въ селѣ Каринскомъ
Ал. Сергѣевичъ, митрополитъ Фила-
ретъ перевелъ въ Москву на мѣсто
почившаго—моего престарѣлаго роди-
теля. Отецъ и двѣ моихъ сестры скоро
перѣехали въ Москву. Осталась въ
Каринскомъ — лишь мать моя (для
продажи дома), а съ нею и я. Но,
разумѣется, и меня ждала разлука съ
родиной: мой отъѣздъ въ Москву былъ
только вопросомъ времени. И вотъ
однажды въ жаркій день поздняго
лѣта къ крыльцу роднаго дома на
темной лошаdkѣ, запряженной въ чер-
ную отцову телѣжку, подѣхалъ извѣ-
стный мнѣ, небольшого роста, рябова-
тый, съ быстрыми глазами, въ огром-
ной, въ видѣ гречневика, шляпѣ съ
черной лентой, крестьянинъ деревни
Діаконова Василій Абрамовъ, всегда
возившій отца въ дальнюю дорогу. Съ
молитвою отправлялись мы съ матуш-
кой въ невѣдомый для меня край.
Не плакалъ я... но какое-то гнетущее
чувство сжимало мое сердце съ каж-
дымъ шагомъ удаленія моего изъ того
мѣста, гдѣ тихо дни мои текли. Раз-
лука съ родиной въ раннюю пору дѣт-
ства оставила въ душѣ моей глубокой
слѣдъ, такъ что въ болѣе позднее
время своей юности я посвятилъ этой
разлукѣ цѣлое стихотвореніе, изъ ко-
торого сохранились въ памяти слѣ-
дующія строфы:

Прощай, Каринское, прощай!

Тебя я не увижу снова!

Тебя, о милый родной, край,

Я забуду и до гроба!

Тебя забыть—забыть все то.

Чѣмъ жилъ и восхищался я:

Забыть холмы, рѣки серебро,

Коверъ луговъ, лѣса, поля?!...

Забыть и ропотъ ручейка.

Когда тихонько изъ лѣска

Выходимъ съ матушкой вдвоемъ

И „пѣснь вечернюю“ поемъ?!...

Ужель забуду домъ родимый,
Гдѣ дѣтство быстро протекло;
Забуду-ль храмъ, гдѣ образъ чтимый
Сіялъ такъ радостно-свѣтло?!...

Нѣтъ!... Если, родина святая,
Не вспомню твой чудный ликъ,
Забвена будь рука десная,
Прильпни къ гортани мой языкъ!

Непривычная продолжительная ѣзда на слабой крестьянской лошади по трясимымъ дорогамъ, ночлегъ на постояломъ дворѣ въ деревнѣ Борвихѣ, бессонная ночь въ непривычной обстановкѣ и шумномъ помѣщеніи утомили меня настолько, что на другой день я далеко за полдень вѣзжалъ въ Дорогомиловскую заставу совсемъ разбитымъ. Москва произвела на меня удручающее впечатлѣніе. Пляшущіе лучи солнца надъ головою, нестерпимый жаръ и пыль на улицахъ, стукъ массы экипажей (послѣ деревенской тишины), недостатокъ свѣжаго воздуха—все это такъ возбуждало и терзало слабый дѣтскій организмъ, что я на первыхъ порахъ готовъ былъ сравнивать Москву съ тою Вавилонскою пещью, огнемъ горящую, о которой училъ я въ „Начаткахъ Хрістіанскаго ученія“. По большей части невиданные мною экипажи возбуждали во мнѣ не удивленіе, а какой-то страхъ. Съ громомъ и огнемъ изъ-подъ копытъ лошадей вихремъ проносились мимо меня пролетки, каласки, кареты, шарабаны, впереди и позади дребезжали калибры съ сидѣвшими задомъ другъ къ другу и верхомъ на нихъ людьми (эти послѣдніе экипажи давно уже уничтожены въ Москвѣ). Когда взоръ мой падалъ на спицы быстро вертѣвшихся предо мною колесъ, когда я поднималъ глаза кверху и смотрѣлъ на двухъ и трехъ-этажные дома, двухъ-ярусныя колокольни съ огромными темными колоколами (что на мигъ интересо-

вало меня), то у меня кружилась голова, въ вискахъ начинали стучать какъ бы желѣзные молотки, передъ глазами ходили зеленые круги и я былъ близокъ къ состоянію обморока. Но сего не случилось, я въ полномъ сознаніи пилъ горькую чашу своего вступленія въ первопрестольную столицу. Неудивительно, что путь изъ Дорогомилова до Таганки показался едва-ли не длиннѣе, чѣмъ путь изъ Каринскаго до Москвы, тѣмъ болѣе, что деревенская лошадка, видомъ и ростомъ похожая скорѣе на котенка, чѣмъ на лошадь, шла по пыльной каменной дорогѣ большею частью шагомъ. Но вотъ и Таганка, Гончарная улица, церковь Успенія Божіей Матери, рядомъ съ нею возлѣ каменной ограды мое новое жилище—домъ Священника. Это было старое въ семь оконъ (изъ которыхъ квартира отца занимала только три окна) одноэтажное покосившееся зданіе съ ветхими некрасивыми воротами и такими-же калитками; на верху одной изъ нихъ написана была фамилія прежняго владѣльца дома, а наверху другой стояла непонятная для меня надпись: „свободенъ отъ постоя“. Когда я, встрѣченный своими племянниками, вошелъ чрезъ калитку во дворъ, то первѣе всего ощутилъ специфическій запахъ выгребной ямы и увидалъ голую, неметенную землю, старый собачникъ, ветхое зданіе съ покосившимися дверями такъ называемаго каретнаго сарая и погребовъ, а въ заключеніе—массу битыхъ кирпичей. Дворъ моего новаго жилища, такимъ образомъ, напоминалъ собою дворъ въ послѣднемъ дѣйствіи драмы Г—на Горькаго „на днѣ“, съ тою только разницею, что на дворѣ піесы Горькаго кирпичи сложены въ изящный четырехугольникъ, а здѣсь кирпичи, камни и палки ва-

лялись безъ всякаго порядка, занимая едва не половину всего двора. Когда я, только что переживъ впечатлѣнія вѣзда въ столицу, смотрѣлъ на домъ и дворъ, какъ мѣсто моего жилища, то говорилъ себѣ: уже-ли же это Москва, изъ которой, какъ изъ какого то чуднаго далекаго царства, я съ нетерпѣніемъ ожидалъ къ Рождеству своихъ братьевъ, привозившихъ мнѣ въ Каринское красивыя, занятныя игрушки, та Москва, о которой мои сестры, ранѣе ѣзжавшія туда, говорили не иначе, какъ съ восторгомъ и слезами о томъ, что не живутъ постоянно въ ней? Такъ, или иначе для меня началась новая тягостная жизнь, жизнь тѣмъ болѣе тяжелая, что моей матушки, крѣпко любившей меня— послѣдняго ея ребенка, не было со мною. Родившаяся и всю жизнь прожившая въ деревнѣ, она не любила Москвы и, проводивъ меня, снова уѣхала изъ Москвы въ Каринское, гдѣ оставалась до продажи дома прежнему моему отцу. Я въ Москвѣ остался одинъ: не смотря на новую, составившуюся вокругъ отца (взявшаго на свое попеченіе 4-хъ сиротъ послѣ умершаго зятя) многочисленную семью (въ 12 человекъ), я ни съ кѣмъ не хотѣлъ дѣлиться своимъ горемъ. Да и чѣмъ могъ меня кто-либо въ то время утѣшить? Это значило возвратитъ меня на родину, въ прежнюю обстановку и условія жизни, что, разумѣется, было невозможно. Лѣто, хотя и на исходѣ, продолжало быть очень жаркимъ. Я страдалъ отъ пыли и духоты; стукъ экипажей на Гончарной улицѣ раздражалъ мой слухъ; небольшой дворъ съ его прелестями во вкусѣ Горькаго, обставленный зданіями и заборами, какъ бы въ тискахъ держалъ меня отовсюду и не давалъ мнѣ свободно жить и дышать. На

этомъ дворѣ, какъ я сказалъ, былъ возлѣ каретнаго сарая собачникъ съ довольно отлогой односкатной крышей. Онъ имѣлъ для меня—ребенка, свою интересную—страшную исторію. Мои племянники, почти погодки со мною, когда отецъ ихъ (Ал. Сергѣевичъ) былъ еще діаконъ, жили на сосѣднемъ дворѣ, но ходили играть во дворъ Священника къ сыну жилицы послѣдняго, помѣщавшейся въ той квартирѣ, въ которой, по пріѣздѣ въ Москву, поселился съ семьей мой отецъ. Играя, мой младшій племянникъ закатилъ мячикъ въ конуру сидѣвшей на цѣпи собаки. Не долго думая, мальчикъ полѣзъ за мячикомъ въ конуру. Но едва онъ просунулъ въ отверстіе голову, какъ собака впи-лась въ него зубами, въ ключья разорвала его одежду, нанесла ему множество ранъ. На страшный крикъ несчастнаго прибѣжала указанная жилица и, съ опасностью для себя, съ трудомъ вырвала ребенка изъ пасти разъяреннаго животнаго и всего окровавленнаго, безъ памяти, принесла къ убитымъ горемъ родителямъ. Теперь собачникъ былъ пустъ: собака давно уведена со двора. Смѣло взбирался я на крышу этого нѣкогда страшнаго звѣринаго жилища, искалъ на полутора-аршинной высотѣ его воздуха и небеснаго простора... но не находилъ. Тогда я вспоминалъ о ширинѣ и просторѣ цвѣтушихъ полей моей родины, о необъятномъ сводѣ яснаго голубаго неба, о свѣтлой рѣкѣ, чудныхъ картинахъ ликующей природы и тихо... но горько плакалъ о потерянномъ раѣ... Иногда я спускался по ближайшему переулку къ Москвѣ-рѣкѣ, желая въ свѣтлыхъ струяхъ ея видѣть подобіе той-же рѣки моей родины... но возвращался оттуда въ полномъ разочарованіи. Въмѣсто „среб-

ристой“ рѣки, текущей по чистому, яркому песочку, окаймленной задумчивыми ивами, я видѣлъ предъ собою темно-бурую жидкость, которая почти сплошь покрыта была большими барками, груженными лѣсомъ и дровами; крутой лѣвый берегъ ея, огороженный деревянными перилами, во многихъ мѣстахъ засоренъ былъ тря-

пьемъ, навозомъ и грязью, а правый отлогій берегъ весь загроможденъ до Краснохолмовскаго моста и далѣе за нимъ—бревнами, дровами, досками и бѣлымъ камнемъ. Въ Москвѣ моей красавицы Москвы-рѣки не существовало...

(Продолженіе слѣдуетъ).

Д. М.—нѣ.

Изъ учительскихъ дневниковъ.

Листки изъ дневника учителя-крестьянина ¹⁾.

9 Января. Въ теченіе всѣхъ святокъ я занимался чтеніемъ кое-гдѣ раздобытыхъ мною книгъ и духовныхъ журналовъ, каковы: „Пастырскій Собесѣдникъ“, „Странникъ“, „Русскій Паломникъ“ и др. Съ грустью въ душѣ мнѣ пришлось убѣдиться, что св. Церковь, подъ кровомъ которой должно идти воспитаніе молодого поколѣнія сыновъ ея, и въ настоящее время, какъ во времена римскихъ императоровъ, терпитъ гоненія отъ различныхъ новомодныхъ философовъ и мыслителей, въ родѣ Л. Толстого и другихъ, ему подобныхъ. Церковь Божію, а съ нею и все хрістіанство эти философы стремятся разрушить, уничтожить и стереть съ лица земли. Грустная истина! Правда, стремленіе это, конечно, не можетъ быть осуществимо, ибо св. церковь есть такое крѣпкое зданіе Божественной премудрости, которое не можетъ разрушить и самый адъ со всѣми своими милліардами темныхъ силъ, ибо Основатель ея сказалъ: „Созижду церковь Мою, и врата адава не одолѣютъ ей (Матѣ. 16, 18, Зач. 67)“. Эти слова должны бы, кажется, образумить тѣхъ, кои ратуютъ за разрушеніе церкви, но, къ сожалѣнію, жалкій умъ чело-

вѣка не слушаетъ словъ своего Господа и, заблудившись отъ пути, ему предназначеннаго, силится оказать сопротивленіе обѣтованію Творца своего и даже разорить то, что создано Имъ и чему Онъ обѣщалъ вѣчность. Это безумное намѣреніе, конечно, не осуществится, въ чемъ не можетъ быть и тѣни сомнѣнія, такъ что всѣ усилія антихрістіанъ кажутся жалкими и похожими на усилія муравья, пытающагося притащить къ своему муравейнику Гималайскій хребетъ.

Да, антихрістіане не вѣруютъ въ непреложность словъ Господа и продолжаютъ силиться привести свою мысль къ осуществленію на дѣлѣ. Впереди всей антихрістіанской партіи идутъ, конечно, руководители ея: ученые, философы, моралисты и пр. люди, именующіеся учителями жизни и проводящіе въ народъ идеи своего ученія, которое у однихъ называется атеизмомъ, у другихъ раціонализмомъ, у третьихъ анархизмомъ, у четвертыхъ социализмомъ и прочими „измами“. Но всѣ эти „измы“ имѣютъ, кажется, одинъ корень и преслѣдуютъ одну цѣль: вырвать изъ народныхъ сердецъ вѣру въ Бога, уничтожить хрістіанство, церковь, духовную и свѣтскую

¹⁾ Продолженіе. См. съ № 8 по 57.

власть, ибо все это, по ихъ мнѣнію, приноситъ только вредъ человѣчеству. Ученые умы, работающіе надъ приведеніемъ этихъ идей въ исполненіе, стараются внушить окружающимъ ихъ людямъ, что результаты ихъ ученія будутъ благодѣтельны для человѣчества, что они всю работу свою направляютъ къ тому, чтобы люди жили во взаимной любви, чтобы между ними не было никакихъ раздоровъ, однимъ словомъ — стараются изъ жизни людей, которая течетъ при современномъ положеніи вещей, сдѣлать другую жизнь — золотой вѣкъ, какъ выражаются многіе и который давнымъ-давно многими ожидается. Но какова будетъ для человѣка жизнь въ „золотой вѣкъ“ — этого никто не знаетъ. Если поверхностно взглянуть на ученіе антихрістіанъ - моралистовъ, то, пожалуй, оно покажется хорошимъ и даже возвышеннымъ: вѣдь проповѣдуется этимъ ученіемъ взаимная любовь, миръ и изытіе изъ жизни человѣчества всѣхъ, хотя и давно практиковавшихся, но теперь признанныхъ вредными, устоевъ ея. Сюда относится Церковь, духовная и свѣтская власть. Если же взглянуть на это ученіе критическимъ взглядомъ и вникнуть въ самую суть его, то получается обратное впечатлѣніе: это ученіе окажется только сверху повапленнымъ красивой оболочкой, внутри же полнымъ всякой нечистоты, достойной ужаса и отвращенія. Такъ, напримѣръ, новыми философами проповѣдуется изытіе изъ народныхъ сердецъ вѣры хрістіанской, какъ вредной для людей. Но какой же вредъ принесла человѣчеству эта вѣра? Не она ли проповѣдуетъ чистѣйшую любовь, любовь Евангельскую къ людямъ? Чего же ищутъ еще философы моралисты? Не могутъ же они утверждать, что Еван-

гельская любовь не полна, а они проповѣдуютъ возвышеннѣе и полнѣе! Но какая же еще любовь можетъ быть возвышеннѣе и полнѣе той, которую изрекли міру Божественныя уста Самой любви: „возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душою твоею, и всею крѣпостію твоею, и всѣмъ разумніемъ твоимъ, и ближняго твоего, какъ самого себя (Лук. 10. 27)“. Мало того, любовь Евангельская простирается далѣе сего: она предписываетъ любить не только всякаго человѣка, который есть ближній намъ, но даже (что всего труднѣе для человѣка) и враговъ: „любите враговъ вашихъ“, говоритъ Богочеловѣкъ: „благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ и молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ; да будете сынами Отца вашего Небеснаго (Матѣ. 5. 44—45)“.

На основаніи сихъ изреченій всѣ философы-моралисты должны же признать Евангельскую любовь за самую чистѣйшую и возвышеннѣйшую, ибо болѣе этой любви, возвышеннѣе и безпредѣльнѣе нельзя и вообразить. На этой то любви и основано все хрістіанское вѣроученіе. Почему же оно это ученіе не нравится философамъ моралистамъ? Впрочемъ, можетъ быть имъ не по вкусу самая вѣра, которая по словамъ Св. Апостола есть живая увѣренность въ невидимомъ, какъ бы въ видимомъ, въ желаемомъ и ожидаемомъ какъ бы въ настоящемъ, вѣра и соединенное съ нею исполненіе прочихъ завітовъ хрістіанскаго вѣроученія? Кажется, эту вѣру они называютъ суевѣріемъ? И называютъ на томъ основаніи, что де существованіе многихъ духовныхъ предметовъ, какъ-то: Бога, ангеловъ, загробнаго міра и др., въ которые предписываетъ вѣровать ученіе хрістіанское, фактически

не доказано? Что различныя чудеса, совершающіяся въ области хрістіанской религіи силою Божіею и являющіяся неопровержимымъ доказательствомъ того, что эта вѣра не суть суевѣріе, но живая увѣренность въ истинномъ бытіи хотя невидимыхъ, но существующихъ предметовъ, есть де миѳы и вымыслы досужей фантазіи нѣкоторыхъ людей. Но пробоваль-ли хотя одинъ философъ-моралистъ побыть истинно вѣрующимъ хрістіаниномъ, исполняющимъ ученіе Евангельское? Кто, напримѣръ, изъ нихъ вправѣ сказать: „Я пробовалъ имѣть вѣру въ бытіе Бога, равную той, какую имѣла Марія Египетская и прошелъ такой же путь покаянія, какой прошла она, но, однако, не достигъ той степени святости, чтобъ могъ ходить по водамъ, какъ по сушѣ“. Или: „Я вѣровалъ въ Бога такъ горячо и старался жить такъ свято, какъ Сергій Радонежскій, но, однако, не сподобился дара, воскрешать мертвыхъ и быть столь прозорливымъ, какъ пишутъ про сего человѣка“. Или: „Я по вѣрѣ и жизни буквально слѣдовалъ примѣру святителя Алексія, но, однако, не получилъ дара исцѣлять слѣпыхъ, какъ пишутъ про сего человѣка, что онъ возвратилъ зрѣніе татарской ханшѣ Тайдулѣ“.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Е. Кулиновъ.

На школьномъ питательномъ пунктѣ.

Жизнь иногда задаетъ такіе вопросы, что никакъ нельзя не остановиться на нихъ своимъ вниманіемъ. Этого еще мало. Вопросъ иногда настолько ясенъ и важенъ, что человѣкъ всею существомъ своимъ принимается за рѣшеніе его.

Исторія же церкви хрістіанской свидѣтельствуетъ, что людей, содѣлавшихся святыми и сподобившихся дара чудотвореній силою Божіею, было безчисленное множество; они есть и въ настоящее время, имѣютъ быть и въ будущее. Жизнь этихъ людей прекрасно изобразилъ св. Апостолъ Павелъ, сказавъ, что они „вѣрою побѣждали царства, творили правду, получали обѣтованія, заграждали уста львовъ, угашали силу огня“ и что все эти люди, „которыхъ весь міръ не былъ достоинъ, скитались по пустынямъ и горамъ, по пещерамъ и ущеліямъ земли“ (Евр. 11. 33, 34 и 38). Но, потворяю, вправѣ ли сказать хоть одинъ философъ моралистъ, что онъ подражалъ вѣрѣ и жизни какого-либо изъ этихъ святыхъ, но, однако, не приобрѣлъ святости и силы чудотвореній? Конечно, не вправѣ, ибо ни одинъ изъ этихъ философовъ не дѣлалъ сего. Если же такъ, то не вправѣ они называть суевѣріемъ вѣру Хрістову, оуждать ея ученіе и жизнь по нему.

Какъ можно сказать про какойнибудь плодъ, что онъ горекъ, не испробовавъ предварительно его вкуса?

Какъ можно сказать про источникъ, что онъ вреденъ для здоровья, не испытавъ свойства воды его?

1905-й годъ у насъ во многихъ центральныхъ губерніяхъ Россіи ознаменовался недородомъ. Въ томъ числѣ пострадали отъ неурожая с. Малинки, Михайловскаго уѣзда, Рязанской Епархіи.

Наступила весна; по времени года въ природѣ должна бы царить пол-

нѣйшая жизненность. Но окрестности с. Малинокъ представляли изъ себя даже въ страдную пору черное, почти безъ всякой растительности, поле. Что можетъ быть плачевнѣе въ земледѣльческой деревнѣ подобной картины?!.. Населеніе сильно опечалилось.

Вопросъ о насущномъ хлѣбѣ стоялъ ребромъ. Особенно, повторяемъ, больно было многосемейнымъ людямъ. Школѣ Малинковской тоже предстояло озаботиться о дѣтяхъ; у нея ихъ въ сентябрѣ собралось болѣе 150 человекъ. Обычно въ раннюю осень школа съ каждымъ днемъ все пополняется. Но въ злополучный 1905 г. число учащихся скоро стало значительно уменьшаться.

— Почему нынѣ такъ много дѣтей въ школу не пришло? спросишь учениковъ.

— У нихъ, батюшка, обувь, одежды, хлѣба нѣтъ, отвѣчаютъ ученики.

— Значить, болѣе школу посѣщать не будутъ?

— Съ воскресенія и я книжки сдамъ, отвѣчаетъ ученикъ старшей группы 1-го класса.

— И у тебя хлѣба нѣтъ?

— Мамка говорить, съ недѣлю прокормимся, а тамъ, если Царь не дастъ хлѣба, и не знаемъ, что дѣлать.

— А много у васъ въ семьѣ чело-
вѣкъ то?

— Семь.

Вѣсти не хорошія. Если въ сентябрѣ народъ начинаетъ уже не доѣдать, то чтоже будетъ въ декабрѣ?! Если съ начала года парты въ классѣ быстро пустѣютъ, то сколько же дѣтей останется къ Рождеству?

Нѣтъ ничего удивительнаго, что наша школа скоро совсѣмъ будетъ пустовать.

Рѣшаюсь у взрослого населенія узнать, какъ оно смотритъ на свое положеніе.

— Петръ! будетъ твой мальчикъ въ школу ходить?

— Нѣ..тъ, какая теперь школа, ѣсть нечего, а ты про школу толкуешь!..

— Что же! развѣ дома то твой Павлуша сытѣе будетъ?

— Я не про то, деньжонокъ то въ домѣ совсѣмъ нѣтъ. Безъ школы то малый босикомъ зиму просидитъ, а туда ему нужно и лапти, и зипунъ справить. А гдѣ нынѣ что до-
будешь!

— И у тебя, Петръ, дѣла плохи?

— Да не знаю, какъ зиму проживу, семья большая, хлѣба осталось только пудовъ семь.

— Вамъ Правительство помощь окажетъ.

— Народъ болтаетъ, что выдача будетъ, а мы все не вѣримъ.

— Скажи по совѣсти, Петръ: если Правительство, на самомъ дѣлѣ, хлѣба вамъ не дастъ, такъ чѣмъ ты будешь зиму питаться?

— Чѣмъ питаться то, сначала послѣднюю лошадь продамъ, а потомъ пойду гдѣ нибудь добывать.

— Гдѣ же добывать то?

Крестьянинъ замаялся.

— Если бы хлѣбъ былъ, другое бы дѣло... но голодный на все пойдешь... отвѣчаетъ собесѣдникъ.

— Значить и ты согласенъ чужое добро тащить?

— Что же, батюшка, дѣлать то, пить, ѣсть нужно, въ семьѣ то вѣдь 15 душъ!..

Ясное дѣло, что самые благонамѣренные крестьяне мрачно настроены. Необходимо, какъ можно скорѣе, дать голодающимъ хлѣба. Въ противномъ случаѣ должна произойти большая неурядица.

Наступилъ октябрь. До глухой деревни дошли вѣсти о какихъ то заба-

стовкахъ. Народъ не понималъ, что это за вещь такая, но твердилъ только одно, что придется съ голоду умирать. Скотъ, разное имущество за безцѣнокъ уже сбывались. Каждый спѣшилъ на наличный грошъ, не обращающій вниманія на высокія цѣны, за пасти себѣ хлѣба.

Въ жизни крестьянъ происходило крушеніе, благосостояніе отъ страха собственными руками разрушалось. А школа наша все болѣе и болѣе пустѣла. И замѣчательно то, что дѣти стали выглядывать блѣдными, вялыми. Бывало, въ партахъ у нихъ лежатъ завтраки, а теперь почти не видно въ рукахъ и корки хлѣба. Очевидно, недородъ свое дѣло дѣлалъ. Какъ тутъ быть? Отвѣтъ одинъ—открывать пришкольнѣ столовую. Но какъ? Гдѣ взять на то средства? Другое дѣло, если бы учениковъ было мало. Легко сказать, дать хотя легкій завтракъ на 140 человѣкъ... И нужно замѣтить, все это предстоитъ оборудовать въ глухой деревнѣ. Невольно какъ то все задуманное кажется несбыточной мечтой.

Дѣйствительно „у страха—глаза велики“. Но въ добромъ дѣлѣ самъ Богъ помогаетъ. Я получилъ письмо отъ одного С.-П. жителя. Онъ—благотворитель нашей школы. Добрый С. В. иногда къ праздникамъ присылаетъ дѣтямъ для чтенія книжки. Изрѣдка мы съ нимъ переписываемся. Еще въ Августѣ голоднаго года, получивъ отъ него книги, я писалъ ему о житѣхъ бытѣхъ своихъ крестьянъ. И вотъ онъ извѣщаетъ, что имъ посланы на мое имя для раздачи голодающему населенію 6 р. денегъ. Господи! думаю, да не указаніе ли это свыше! Можно ли далѣе откладывать исполненіе задуманнаго? Въ душѣ было рѣшено безповоротно приступить къ открытію школьной столовой. Но, къ

несчастью, я уже въ это время чувствовалъ себя больнымъ. Упорное лихорадочное состояніе не даетъ мнѣ покою. Даже доброму С. В. едва былъ въ силахъ написать краткое отвѣтное письмо. Господи! думаю, да неужели все предположенное должно рушиться? Посылаю за докторомъ, но прѣзжаетъ фельдшеръ. По обыкновенію, прописываетъ лѣкарства. Но облегченія не послѣдовало. Какъ видно, надежда только на одного Бога. Начинаю молиться Преподобному Серафиму, Чудотворцу Саровскому, прошу его о заступничествѣ: но болѣзнь все не ослабѣваетъ. Уже три недѣли прошло, какъ я лежу, а облегченія все нѣтъ, даже читать нѣтъ никакой возможности. Но вотъ вижу сонъ, за меня многогрѣшнаго молится угодникъ Божій. Онъ, колѣнопреклоненный, ликъ его нельзя было разобрать, потому что голова теплаго заступника была накрыта. По мантии—это Преподобный Серафимъ, по его головному покрову—Амвросій Оптинскій. Боже! Какъ было отрадно переживать эти незабвенныя минуты!.. Первою мыслию, по пробужденіи, было—скорѣе приступить къ кормленію дѣтей; это было, такъ сказать, моимъ обѣтомъ. И вотъ 27 Октября я уже, послѣ мѣсячнаго заключенія, вышелъ на воздухъ. Теперь у меня уже не было колебаній относительно открытія школьнаго питательнаго пункта. Я уже заготовилъ докладъ своему школьному попечительству ¹⁾, а вмѣстѣ съ тѣмъ и епархіальному начальству съ просьбой разрѣшить сформировать при попечительствѣ епархіальный Комитетъ съ обязательнымъ участіемъ всѣхъ учи-

¹⁾ Предсѣдательствуетъ въ попечительствѣ завѣдующій школой, членами — приходскій настоятель, одинъ учитель, два крестьянина, церковный староста школьнаго храма.

телей школы для оказанія помощи голодающимъ школьникамъ, дѣтямъ населенія, а если позволять средства, то и взрослому бѣдному люду; на бумагѣ изложилъ свои планы объ открытіи пункта для сбора пожертвованій на предметъ пропитанія указанныхъ лицъ.

На собраніи попечительства 29 Октября объявляю, вѣрнѣе сказать, докладываю, что попечительству предстоитъ подумать объ открытіи школьной столовой.

— Что же вы, господа, скажете на мое предложеніе?—спрашиваю.

— Вѣдь мы, батюшка, въ этомъ дѣлѣ мало понимаемъ, отвѣтилъ одинъ представитель отъ крестьянъ.

— А вы прочитайте, что у васъ въ журналѣ къ докладу приготовлено? просить о. настоятель прихода.

Читаю все по пунктамъ.

— Ха... ха... ха!..

— Чему вы смѣетесь, о. настоятель? Если вы сомнѣваетесь относительно притока пожертвованій, то на это вамъ нужно сказать: „у Бога милости много“, „да и свѣтъ не безъ добрыхъ людей“.

— Такъ вы убѣждены, что ваше предпріятіе увѣнчается успѣхомъ?

— Если желаете, то скажу, что убѣжденъ: въ добромъ дѣлѣ Самъ Богъ помогаетъ.

— И представляете, что изъ вашей затѣи можетъ вытти? снова послышался вопросъ.

— И на этотъ разъ скажу утвердительно.

— Нѣтъ, вы не представляете... Дѣла вы никакого не сдѣлаете... а народъ возмутите. Вы съ подобными операціями еще не знакомы, а я видѣлъ народъ въ голодномъ состояніи...

— Я буду работать не одинъ, а потому одного меня винить нельзя будетъ...

— А вы знаете, что стоитъ напечатать воззваніе о пожертвованіяхъ?

— Ничего не стоитъ: я попрошу редакціи нѣкоторыхъ журналовъ, газетъ и все это сдѣлають бесплатно.

— Ужъ какъ вы ни говорите, а траты денежной будетъ немало.

— На первоначальный расходъ у меня уже есть средства.

— А гдѣ вы ихъ взяли?! удивился о. настоятель.

— Одинъ доброжелатель прислалъ на голодающихъ.

— Да безъ разрѣшенія пожертвованія собирать нельзя.

— Я не просилъ жертвователя о помощи, онъ прислалъ по доброй волѣ. Такъ какъ же, господа, согласны будете на открытіе школьной столовой?— снова обращаюсь къ собранію.

Послѣдовало полнѣйшее согласіе.

— Большинство голосовъ согласно на открытіе питательнаго пункта, а потому вопросъ нужно считать рѣшеннымъ, о. настоятель!

Какъ ни рисовалъ мрачныхъ картинъ о. настоятель, рѣшено было открыть столовую.

И никогда еще за восемь лѣтъ совмѣстной жизни наша школьная корпорація не чувствовала себя такъ поднятой. Не медля ни минуты, была отослана бумага въ Епархіальный Училищный Совѣтъ съ просьбой о разрѣшеніи открыть пунктъ при школѣ для сбора пожертвованій на столовую; отосланы были воззванія въ редакціи журналовъ и газетъ.

Мѣстное населеніе сразу заговорило о будущей столовой. Большинство отнеслось къ нашему начинанію довѣрчиво. Нашлись и такія лица, которыя поспѣшили выступить съ ядовитой критикой.

— Кормить батюшка дѣтей будетъ, а гдѣ онъ на столовую денегъ добу-

детъ? говорилъ одинъ изъ участниковъ сельскаго схода.

— При школѣ открывается пунктъ для сбора пожертвованій, отвѣчаетъ членъ Комитета изъ крестьянъ.

— Чудакъ! А кто будетъ жертвовать въ такой годъ? Это онъ все затѣваетъ съ насъ же собирать, а мы и такъ всѣ обнищали...

— Не съ насъ... въ газетахъ будетъ объявлено о нашей голодовкѣ, вотъ добрые люди и будутъ деньги присылать.

— Ну, ты подумай! Кто теперь будетъ деньги присылать? выкрикнулъ широкоплечій безусый крестьянинъ.

— Какъ кто? снова отвѣтили защитникъ школьной столовой, шесть рублей уже прислали.

— Да развѣ можно всѣхъ школьниковъ нашего прихода на такіе гроши прокормить!..

— Наконецъ, если и будетъ открыта столовая, то мы знаемъ, какъ батюшка будетъ кормить то!—кричить новый возражатель.

Темные люди, повторяемъ, въ своихъ сужденіяхъ о столовой доходили до самыхъ грубыхъ оскорбленій по адресу работниковъ въ пользу голодающаго люда. Въ учительской же нашей корпорациі было полное единеніе. Мы всѣ съ нетерпѣніемъ ждали открытія столовой, и тщательно слѣдили за появленіемъ нашего воззванія о пожертвованіяхъ въ газетѣ „Слово“ и нѣкоторыхъ журналахъ. И вдругъ по-

лучаемъ повѣстку на сто руб. Радости не было конца. Всѣхъ насъ весьма интересовало, кто нашъ благодотворитель... Повѣстка была получена вечеромъ, а на слѣдующій день дѣлопроизводитель привезъ изъ города уже и деньги. Оказывается, первую щедрую лепту прислалъ Преосвященный Никонъ, Епископъ Серпуховскій¹⁾. Щедрая лепта, благопожеланія Преосвященнаго Никона, необыкновенно воодушевили всѣхъ насъ. Немедленно былъ собранъ Комитетъ по дѣлу о столовой. Члены крестьяне первымъ откликомъ о пожертвованіяхъ на наше воззваніе, посланное для напечатанія въ журналѣ „Божія Нива“, были поражены. Много было высказано добродушію Архипастырю благодарности и благопожеланій. Сейчас же было постановлено, какъ только соберется пожертвованій около 300 р., въ столярной мастерской для печенія хлѣба сложить печку, замазать кубъ, закупить хлѣбъ пшено и т. п. Завѣтная мечта начинала осуществляться. Школьники только и твердили о горячей кашѣ. Среди крестьянъ недоувѣрія къ нашей дѣятельности болѣе уже не слышалось. „Московскій Архіерей и тотъ обратилъ вниманіе на нашихъ дѣтей, значить жертвователи будутъ“, говорили мужички.

¹⁾ Въ настоящее время Епископъ Вологодскій.

Свящ. І. Молебновъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПОСѢВЫ И ВЪХОДЫ.

(Изъ жизни церковно-приходскихъ школъ).

LVIII

Добрый плодъ воскресной школы.

Нѣтъ не сгасъ еще пламень вѣры! Въ то время какъ ежедневная печать и постоянная проповѣдь безвѣрія, которая настойчиво преподносится обществу въ видѣ различныхъ книженокъ, въ изобиліи выбрасываемыхъ теперь въ „большую публику“, докучливо твердить о свободѣ дѣтей отъ всякихъ религіозныхъ обязанностей, отъ разумнаго провозглашенія праздничныхъ дней, въ тихихъ уголкахъ земли Русской зрѣетъ и зрѣетъ на великой Божіей нивѣ доброе сѣмя вѣры и нравственности. Тамъ слышишь о честномъ самоотверженномъ школьномъ труженикѣ, который не щадитъ здоровья и силъ для блага питомцевъ своихъ. Здѣсь слышишь о другомъ подобномъ же дѣятелѣ, который, и не призванный долгомъ къ работѣ надъ воспитаніемъ подрастающаго поколѣнія, самъ приходитъ къ нему, будить его дремлющую душу, зажигаетъ искру добра въ его сердцѣ. Къ разряду этихъ послѣднихъ дѣятелей, которые работаютъ на одномъ поприщѣ съ тружениками приходскихъ школъ, по справедливости относятся учителя воскресныхъ школъ, прививающіе дѣтямъ любовь къ разумному праздничному отдыху. Объ одномъ изъ такихъ свѣтлыхъ дѣятелей вспоминаютъ Тобольскія епарх. вѣдомости. Этотъ дѣятель—извѣстная благотворительница русскаго люда Х. Д. Алчевская. Вотъ что извѣстно о ней и о ея дѣятельности. Х. Д. является первой организаторшей воскресныхъ школъ у насъ на Руси. Происходя изъ купеческой семьи, Христина Даниловна провела свое дѣтство въ тепломъ кругу любящихъ родственниковъ. Образование она получила домашнее, такъ что совершенно не имѣла понятія о школь-

ной жизни. Хорошо обеспеченная жизнь не искоренила въ ней хорошихъ душевныхъ задатковъ: не имѣя никакихъ дѣлъ съ людьми бѣдными, безпріютными, она болить о нихъ душой, заботится объ ихъ обезпеченіи не только матеріальномъ, но и духовномъ. Вся справедливость русской пословицы: „ученье свѣтъ, а неученье—тьма“ была глубоко понята Христиной Даниловной, и, вотъ она старается доставить возможность всѣмъ получить этотъ свѣтъ и устраиваетъ занятія для бѣдныхъ неимущихъ дѣтей.

Эти несчастные, голодные и холодные ребятки находили въ домѣ Алчевской не только пищу духовную, но и теплый пріютъ и сытный завтракъ, такъ что родители охотно отпускали своихъ дѣтишекъ на занятія. Ученье шло съ такимъ успѣхомъ, что вскорѣ рѣшено было открыть школу на собственные средства Христины Даниловны. И вотъ, выдержавши экзаменъ на званіе учительницы, Алчевская начинаетъ работать на трудномъ, педагогическомъ поприщѣ. Работая неутомимо и добросовѣстно, она справляется съ цѣлой школой и даже замышляетъ новое, великое по своему значенію, дѣло—это устройство воскресныхъ школъ.

Возникновеніе ихъ должно быть всецѣло приписано инициативѣ Х. Д. которая, обучая дѣтей грамотѣ, не забывала о существованіи взрослыхъ людей, лишенныхъ свѣта—ученья. Устроить для нихъ такія же занятія, какъ для дѣтей, является совершенно невозможнымъ, потому что это, большей частію, люди рабочіе, занятые съ утра до поздней ночи. Ясное дѣло, что, если человѣкъ цѣлый день работаетъ, измучит-

ся, придетъ домой усталый, разбитый, ему не до ученья: онъ радъ-радешенекъ до-браться до постели, дать отдохнуть своимъ усталымъ членамъ. Все это принято было во вниманіе Христиной Даниловной, но она не останавливается ни предъ чѣмъ въ достиженіи своей завѣтной цѣли. Рабочіе свободны въ праздникъ, слѣдовательно, этотъ день и можно употребить на учебныя занятія. Проектъ воскресныхъ школъ былъ встрѣченъ сочувственно. У Алчевской нашлись помощницы въ этомъ святомъ дѣлѣ, которыя тоже много потрудились на пользу меньшаго брата.

Вскорѣ было выстроено большое, хорошее зданіе специально для воскресныхъ школьныхъ занятій. Учащіеся дѣлились здѣсь по группамъ: кто раньше умѣлъ мало-мальски читать и писать, кто въ школу поступилъ прежде, кто позднѣе, — и всѣ группы имѣютъ своихъ учительницъ. И какая смѣсь лицъ въ школѣ новаго типа?! Они разныхъ возрастовъ и профессій! Вотъ молодая, свѣженькая дѣвушка, — это горничная: всю недѣлю она занята, и только въ праздникъ господа отпускаютъ ее отдохнуть. А она считаетъ лучше провести это время въ воскресной школѣ. Сидитъ тутъ эта дѣвушка и такъ весело поглядываетъ на всѣхъ — любо ей, что и она читать научилась. Рядомъ съ ней блѣдное, измученное лицо старика-каменщика; доволенъ и онъ, что учиться пришелъ. Труды Христины Даниловны не остались безсмысленными: она открыла многимъ путь къ просвѣщенію, вывела изъ невѣжества такую массу простонародья, что имя ея сдѣлалось извѣстнымъ въ Россіи и произносится съ благодарностью выведенными ею изъ мрака.

Этотъ благой примѣръ нашелъ себѣ подражаніе: и въ другихъ городахъ Россіи начинаютъ появляться воскресныя школы.

Учащимся въ воскресной школѣ выдаются книги для чтенія, которыя съ жадностью ими прочитываются. Такъ, напри-

мѣръ, одна ученица такой школы пишетъ: „У меня очень мало времени для чтенія: день я работаю до 8-ми часовъ вечера, а когда кончу работать, грѣюсь около печки, а потомъ начинаю читать“. Эти слова ясно свидѣтельствуютъ о тѣхъ печальныхъ условіяхъ, среди которыхъ приходится жить большинству учащихся воскресныхъ школъ и краснорѣчиво говорятъ о стремленіи ихъ къ книгамъ. Страшный холодъ въ квартирѣ и утомленіе отъ цѣлаго дня работы не препятствуютъ ученицѣ читать и давать отчетъ въ прочитанномъ. Едва согрѣвшись подлѣ печки, она спѣшитъ къ столу и при свѣтѣ тусклой лампы открываетъ принесенную изъ школы книгу въ надеждѣ узнать, „что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ“, научиться тому, „что хорошо и что дурно“ и „какъ лучше жить“. Или еще лучше примѣръ, когда рабочій, простой, сѣрый мужичекъ, научившись грамотѣ въ воскресной школѣ, понявъ все значеніе и важность такого учрежденія, въ благодарность за просвѣтленіе пишетъ:

*Школа—путь къ добру и свѣту,
Школа къ истинѣ ведетъ;
Въ ней всегда на все отвѣты
Нашъ рабочій людъ найдетъ.
Школа—сила просвѣщенья,
Школа насъ впередъ ведетъ...
Пусть свое благословенье
Богъ на школу ниспошлетъ!...*

Да, хорошая воскресная школа это добрая соработница приходской школы. Она раститъ общій плодъ — добрыхъ и честныхъ гражданъ родинѣ! Она вселяетъ вѣру въ значеніе хрістіанскаго просвѣщенія, которое открываетъ „путь къ добру, свѣту и истинѣ!“ Она, какъ и приходская школа, исповѣдуетъ одну истину, что всякое дѣло, начатое съ благословенія Божія принесетъ добрый плодъ, волеетъ отраду и утѣшеніе въ сердце малютки и въ душу взрослого. И дай Богъ, чтобы побольше было такихъ воскресныхъ школъ, которыя, давая и

юнымъ и взрослымъ разумный праздни-
ный отдыхъ, служили бы дѣлу воспитанія

народной души, которому служить и при-
ходская школа.

Изъ періодической печати.

Мысли законоучителя.

Нынѣ мы— „наканунѣ“ обновленія на-
шей жизни. Среди массы вопросовъ, воз-
бужденныхъ текущею жизнью, вопросъ о
наивозможно лучшемъ преобразованіи на-
шихъ разсадниковъ просвѣщенія едва ли
не самый важный. Наилучшая и отвѣчаю-
щая времени постановка дѣла воспитанія
и обученія нашихъ дѣтей въ учебныхъ
заведеніяхъ не ждетъ отлагательства, и,
потому, этимъ дѣломъ занялись уже всѣ
даже съ небывалой энергіей. Безъ сомнѣ-
нія, и преподаваніе Закона Божія въ на-
шихъ школахъ не останется безъ должнаго
вниманія, и вопросъ о наилучшей поста-
новкѣ его бесспорно весьма важный и ему,
по праву, отдано будетъ преимущество и
и предпочтеніе предъ другими. Къ пра-
вильному же рѣшенію такого вопроса, ко-
нечно, можно прийти только путемъ жи-
ваго обмена мѣтній и взглядовъ всѣхъ,
кто только интересуется этимъ дѣломъ и
преданъ ему.

Итакъ, какъ свято и безусловно необхо-
димо для каждаго изъ насъ знаніе Закона
Божія, кто достойный „дѣлатель“ его, и
какія особенныя и необходимыя требова-
нія при преподаваніи Закона Божія—вотъ
о чемъ обязательно нужно намъ сообра-
зить для того, чтобы рѣшать вопросъ о
наилучшей постановкѣ преподаванія За-
кона Божія въ школахъ.

Святая и весьма важная необходимость
боговѣдѣнія и знанія воли Божіей о насъ
для всякаго истинно вѣрующаго и желаю-
щаго достигнуть „въ мужа совершенна“—
внѣ всякихъ отрицаній и извѣстна всѣмъ.

Знать больше всего Бога и Его святую
волю—святой долгъ для каждаго изъ насъ.
Потому-то преподаваніе и изъясненіе пред-
метовъ вѣры и хрістіанской нравственно-
сти повсюду въ разсадникахъ просвѣще-
нія обязательны и законъ требуетъ выс-
шаго и преимущественнаго знанія этихъ
предметовъ. Но завѣтъ Господа Іисуса
Христа много ли имѣетъ истинныхъ уче-

никовъ изъ насъ? Примѣръ, говорятъ,
лучше всякихъ словъ. Посему, чтобы силь-
нѣе и вполне сознать намъ всю святость
и важность своего долга, знать предметы
вѣры и хрістіанской нравственности, слѣ-
дуетъ только припомнить древнихъ хрі-
стіанъ—этихъ достойныхъ всякаго подра-
жанія послѣдователей Христовыхъ. Ува-
женіе къ Св. Писанію у нихъ такъ было
велико, такъ глубоко напечатлѣно въ ду-
шахъ, что они не старались даже знать,
существуютъ-ли на свѣтѣ другія книги,
кромѣ Библии. Если въ Библии, думали они,
показано все, что нужно знать, какъ жить
человѣку, чтобы, по благодати Господа
Іисуса Христа, достигнуть вѣчнаго блажен-
ства, то всѣ прочія книги, если есть въ
нихъ полезное и истинное, суть слабыя и
мерпающіе лучи животворнаго свѣта, въ
полнотѣ сосредоточеннаго только во св.
Библии. Поэтому чтеніе св. Писанія и зна-
ніе его древними хрістіанами составляли
всеобщій, повсемѣстный и неизмѣнный обы-
чай, даже болѣе, долгъ каждаго. Доказа-
тельствомъ этого служить то, что во всей
древности, богатой другими хрістіанскими
сочиненіями, не находимъ ни одного кати-
хизиса для наставленія и наученія вѣрую-
щихъ. Плодомъ же такого всегдашняго
занятія св. Писаніемъ было то, что творе-
нія древнихъ хрістіанскихъ писателей,
ихъ пѣсни, бесѣды и посланія представля-
ютъ благоуханные цвѣты, коихъ сѣмя и
корень—слово Божіе. Они не только были
проникнуты и оживотворены духомъ св.
Писанія, но самыя ихъ слова и выраже-
нія заимствованы изъ св. Библии. Такъ
древніе хрістіане исполняли святую и ве-
ликую свою обязанность знанія предметовъ
вѣры и хрістіанской нравственности и ихъ
примѣръ весьма достоинъ полнаго нашего
вниманія и подражанія во всѣхъ случаяхъ
нашей жизни, а въ особенности—въ раз-
садникахъ нашего просвѣщенія.

Теперь, кто же достойный „дѣлатель“

столю дорогого и безусловно нужнаго для каждаго хрістіанина предмета знанія, какъ Законъ Божій? Безъ сомнѣнія, тотъ, кто отдалъ себя всецѣло на служеніе Богу, т. е. іерей. Онъ — Богомъ поставленный стражъ и проповѣдникъ Божія Откровенія и слова. Дается свыше ему на это благодатный даръ, немощное его врачующій и восполняющій. Іерей—Богомъ дарованный свѣтильникъ для пасомыхъ на пути ихъ боговѣдѣнія и доброй жизни; быть для нихъ таковымъ—его долгъ и право. Отъ купели возрожденія до одра смертнаго духовное овча — достояніе своего духовнаго пастыря: ни возрастъ, ни мѣсто, ни родъ занятій пасомыхъ не освобождаютъ ихъ пастыря отъ исполненія своихъ священныхъ обязанностей. Собранныя дѣти въ школу для ученія—малая и юная паства іерея и добрая новъ, на которую только умѣлою рукою слѣдуетъ сѣять добрыя сѣмена, чтобы получить добрые плоды. Школа для іерея—наилучшій способъ и великое облегченіе въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго воспитанія своихъ пасомыхъ. Преподаваніе Закона Божія въ школѣ для іерея есть самое наилучшее средство воспитать дѣтей въ будущихъ добрыхъ чадъ Церкви Христовой. Для этого онъ имѣетъ всѣ данныя и преимущества предъ другими, ему только присвоенныя. Слово іерея о Богѣ для всѣхъ и всегда памятно, дѣйственно и сильно. Справедливость послѣдняго вполнѣ подтверждаетъ исторія; объ этомъ ясно свидѣтельствуетъ жизнь и всегда скажетъ будущее.

Наконецъ, какія особенныя и обязательныя требованія при преподаваніи Закона Божія? Преподаваніе Закона Божія — дѣло великой важности и имѣетъ свои особенности и требованія предъ другими предметами ученія. Вліяніе изученія Закона Божія на душу дитяти должно быть всеобъемлющее. Умъ, сердце и воля ребенка при изученіи Закона Божія одинаково равно должны работать и не ослабѣвать. Путемъ обобщенія пройденнаго по предметамъ, лицамъ, временамъ и т. п. нагляднаго, доступнаго дѣтскому пониманію, приложенія послѣдняго къ жизни и сопоставленія усвоеннаго съ нею, умъ ребенка долженъ твердо и ясно усвоить и запоминать преподаваемое по Закону Божію на всю свою жизнь. При постепенномъ и твердомъ усвоеніи преподаваемаго,

и сердце ребенка постепенно должно истаявать, „яко воскъ“, отъ огня словесъ Божіихъ и пріобрѣтаетъ къ воспріятому задатки той самой любви, которую „вода многа не можетъ угасить и рѣки не потопятъ“ (П. пѣсн. 8, 7). Такъ „всаженное“ въ душу ребенка „слово, могущее спасти душу“, должно также показатъ и „отъ добраго житія дѣла своя въ кротости и премудрости“! Изученіе Закона Божія неотразимо должно вліять и на волю ребенка и имѣть свою постоянную цѣль, чтобы дѣти, вникая „въ законъ совершенъ свободы“, были и въ настоящемъ и въ будущемъ „не точію слышатели, но творцы слова“, и не уподоблялись бы „мужу смотрящу лице бытія своего въ зеркалѣ“, который „усмотри себе и отъиде и абіе забы, каковъ бѣ“ (Іак. 2, 23—24).

Отсюда, какъ естественно для всякаго законоучителя, при видѣ обучаемыхъ имъ дѣтей, постоянно и обязательно размышлять такъ: Дѣти суть дѣти Божіи, всѣ куплены безцѣнною кровью Сына Божія, всѣ—воспитанники Ангеловъ, радость родителей, цвѣтъ человечества, надежда будущаго лучшаго потомства. Они, при внимательномъ наставленіи, могутъ остаться навсегда дѣтьми Божіими, и будутъ благодарить воспитателя при своей смерти, а особенно на судѣ Божіемъ. Въ противномъ случаѣ, они удобно могутъ испортиться, уклониться съ пути спасенія. И если бы дѣти знали, какъ много зависитъ ихъ благочестивая жизнь отъ жизни ихъ вѣроучителя, то всѣ они бросились-бы предъ нимъ на колѣни и умоляли-бы съ самымъ сердечнымъ чувствомъ: „будь ты, воспитатель, благочестивъ, чтобы заставить насъ быть благочестивыми! Иди неуклонно на небеса, чтобы и мы стремились туда-же!“—Сверхъ подобныхъ, весьма полезныхъ и необходимыхъ для законоучителя, размышленій, еще самое дорогое требуется отъ него то, чтобы онъ, что думаетъ говорить дѣтямъ, говорилъ отъ полнаго сердца, потому что до сердца всегда доходитъ и движетъ сердце только то, что исходитъ отъ сердца. „Сердце сердцу вѣсть подастъ“,—говоритъ справедливо наша народная мудрость. Большую также осторожность наблюдать должно законоучителю при объясненіи имъ дѣтямъ ученія хрістіанской вѣры. Извѣстно, что истины хрістіанскаго ученія однѣ постижимы для насъ,

другія непостижимы. Если какое ученіе для насъ постижимо, то мы можемъ и должны смотрѣть на него окомъ вѣры и окомъ разума. Отъ такого двоякаго взора на него не должно удалять и дѣтей. Вотъ здѣсь то только и нужна осторожность, которую, нужно сознаться, часто вѣроучители и забываютъ. Если дѣтямъ объясняется что-либо преимущественно посредствомъ разума, то въ нихъ возбуждается охота ломать голову, а вѣра остается безъ упражненія, мало по малу ослабѣваетъ, и иногда даже совсѣмъ пропадаетъ. Всегда должно класть прежде всего въ основаніе вѣру, хотя истина и познается разумомъ. Дѣти должны вѣрить истинѣ не потому, что она усматривается разумомъ, но потому, что она сказана Господомъ Богомъ. Преимущественно должно образовывать вѣру, потому что вѣра раскрывается въ человѣкѣ всегда прежде разума, и потому, что она нужна намъ и тогда, когда мы понимаемъ что-нибудь и посредствомъ разума, ибо убѣжденіе вѣры гораздо сильнѣе дѣйствуетъ на нашу дѣятельность, чѣмъ убѣжденіе разума. При ученіи, которое можно постигать и разумомъ, должно внушить дѣтямъ, что это ученіе можно понять и разумомъ, и еще внушить, что ученіе это должно принять за истину не потому, что понимаемъ его разумомъ, а потому, что его сказалъ Богъ. Мы можемъ заблуждаться въ мышленіи, но Богъ—никогда. Что сказали Богъ, то несомнѣнно истинно. Онъ всевѣдущъ и совершенно истиненъ. Мы не понимаемъ, какъ наша душа приводитъ въ движеніе нашъ глазъ, нашу руку, ногу и т. п., однакоже мы ни-

сколько не сомнѣваемся, что это такъ. Если не понимаемъ мы многого изъ земнаго, то удивительно-ли, что не понимаемъ многого изъ небеснаго. Подобія при объясненіи непостижимаго весьма часто бываютъ не безъ вреда тоже; лучше не пользоваться ими, а твердо говорить, что такъ сказалъ или установилъ и повелѣлъ Богъ.

Итакъ, свято и безусловно необходимо для каждаго изъ насъ знаніе предметовъ вѣры и хрістіанской нравственности и такковы особенныя и обязательныя требованія при преподаваніи Закона Божія. Для столь важнаго дѣла долженъ быть и такой-же достойный дѣлатель, имѣющій для того призваніе и дарованіе. Для іерея это дѣло—требованіе и необходимость, весьма ему близкія и важныя, и у него для исполненія его всѣ данныя. Слово, „могущее спасти душу“, производитъ всю полноту дѣйствія только въ рукахъ своего служителя и чрезъ послѣдняго, по дару благодатному, неотразимо дѣйствуетъ на умъ, сердце и волю, что весьма важно и обязательно нужно при преподаваніи Закона Божія. Іереи—необходимый и незаменимый преподаватель Закона Божія, а Законъ Божій—для него крайне нужное и важное дѣло. Слѣдовательно, должно только всѣми мѣрами желать и радѣть о томъ, чтобы Богомъ дарованные іерею таланты на дѣло наученія боговѣднью и доброй жизни возрастали въ силѣ и дѣйствіи, не закапывались въ землю и не лежали въ ней туне ¹⁾).

Свящ. Кувшинскій.

¹⁾ Вятск. епарх. вѣд. 1906 г. № 31.

НАШЪ ДНЕВНИКЪ.

Почему современная лѣтопись ежедневно обогащается новыми и новыми пороками и преступленіями, совершаемыми дѣтями? Почему рѣже и рѣже видимъ мы добрыхъ скромныхъ послушныхъ дѣтей? Почему чаще и чаще стали слышать мы жалобы отцовъ и матерей на непокорность дѣтей, которые удручаютъ, а не облегчаютъ родительскую старость?.. Да потому, что наряду съ этою скорбною лѣтописью о проступкахъ дѣтей существуетъ другая, не менѣе скорбная, лѣтопись о предосудитель-

ныхъ дѣяніяхъ наставниковъ дѣтей и вообще ихъ ближайшихъ руководителей...

Недавно мы спускались на пароходѣ внизъ по Волгѣ. На досугѣ разговорились по поводу злободневныхъ явленій. Коснулись и школы.

— Какъ бы вы думали, отчего это какъ будто стали вымирать добрые русскіе дѣти, которыя почитали старость, были кроткіе, послушны?

— Да думаю оттого, отвѣтилъ спутникъ, что теперь какъ-то все перепуталось: ни-

кто не хочет заниматься своимъ прямымъ дѣломъ; а учителя первые стали забывать свое дѣло. Имъ бы учить да назидать, а они взялись за политику...

И это безспорная правда. Политика и себялюбіе заѣдаетъ учащихся. О политиканствѣ учителей, правда, преимущественно земскихъ школъ, почти ежедневно возвѣщаютъ газеты, повѣствующія о томъ, что то тамъ, то здѣсь учителя собирали митинги, сходки и даже принимали участіе въ погромахъ. А вотъ образчики и ихъ себялюбія, при которомъ, разумѣется, не остается мѣста для любви къ дѣтямъ. „Среди учителей, не безъ удовольствія замѣчается одинъ педагогическій журналъ (Русская (?) Школа, 1906 г. № 1), повсемѣстно замѣчается усиленный подъемъ духа, пробужденіе сознанія собственнаго достоинства и уясненіе важности значенія, какое можетъ имѣть дѣятельность народнаго учителя... И чѣмъ бы вы думали обуславливается подъемъ ихъ духа и сознаніе собственнаго достоинства? Вѣдь всякій ремесленникъ, желающій быть на хорошемъ счету, всегда заботится объ улучшеніи своего ремесла... Но большинство учителей земскихъ школъ защищаютъ свое достоинство иными средствами: они забываютъ школу и дѣтей и принимаются за устройство политическихъ организацій, ведутъ борьбу съ духовенствомъ и съ вѣрованіями Русскаго народа... А если они встрѣчаютъ на пути этой борьбы заслуженный отпоръ, то сѣютъ на то, что не уважаютъ ихъ достоинствъ... А, какъ оказывается, очень не трудно оскорбить ихъ достоинство... Учителя оскорбляются за то, что народъ считаетъ ихъ „внутренними врагами, непризнающими ни Царя, ни Бога“. Чего-же проще защитить свое достоинство?.. Живя среди народа, пойми его вкусы и учи его дѣтей тому, что ему дорого — и вотъ тогда не будетъ нареканія. Но нѣтъ, политиканы-учителя не желаютъ уступать... Народъ ими недоволенъ, а они сами хотятъ дать отпоръ народу, собираются на съѣзды и обсуждаютъ, — какъ это было, на примѣръ, не такъ давно въ Опочекскомъ уѣздѣ, Псковской губ., — средства борьбы съ народнымъ недовѣріемъ и съ духовенствомъ („Нар. Хоз.“ 31 Дек. 1905 г.). И эти средства они видятъ въ уясненіи крестьянамъ непонятныхъ имъ свободъ. Но понятнѣе, что эти средства мало помогаютъ.

И вотъ одинъ учитель, села Новомихайловскаго, Бураковъ жалуется на то, что присутствовавшій на соборѣ мѣстный пастырь Іоаннъ Критскій не раздѣляетъ взглядовъ Буракова, на свободу. „По объявленіи манифеста 17 Октября 1905, пишетъ названный учитель, я вѣлъ съ крестьянами своего села соборѣ Государственной Думѣ и объ общемъ положеніи дѣлъ въ Россіи. Присутствовавшій на соборѣ мѣстный свящ. Іоаннъ Критскій подстрекалъ противъ меня крестьянъ, говоря, что я непочтительно отношусь къ верховной власти и вообще къ дѣятельности учителя неспособенъ. Такіе „провокагорскіе“ поступки іерея угрожаютъ моей жизни. Посему прошу союзъ выступить въ мою защиту предъ начальствомъ іерея Критскаго, дабы въ будущемъ оградить меня отъ неизбежной опасности“. По примѣру Буракова и другіе учителя не замедлили вылить ушатъ помой на честную дѣятельность православныхъ пастырей.

По прочтеніи заявленія и послѣ цѣлаго ряда разсказанныхъ фактовъ, аналогичныхъ съ приведеннымъ въ заявленіи, собраніе учителей перешло къ обсужденію тѣхъ мѣръ, какія долженъ принять союзъ въ видахъ огражденія личности учителя и прекращенія погромной дѣятельности отцовъ-іереевъ. И вотъ эти мѣры. Предложено было отправить отъ имени союза депутатовъ къ архіерею съ требованіемъ, (?) чтобы онъ разъяснилъ паствѣ, что служителямъ Христа не приличествуютъ рѣчи „палачей“ Христовыхъ. Предложено также отправить депутатовъ и къ директору. Одинъ изъ членовъ замѣтилъ, что непристойно отправлять депутаціи къ архіерею и директору. Лучше всего учителя сумѣютъ оградить себя отъ дѣйствій агитаціи, если будутъ опираться на народъ. Ораторъ призывалъ помогать организаціи крестьянскаго союза. Послѣ продолжительнаго обмѣна мнѣній, было признано, что наиболѣе дѣйствительнымъ способомъ для предотвращенія избіеній и погромовъ является агитація и пропаганда освободительныхъ идей, и рѣшено разослать циркуляръ учителямъ отъ имени союза о необходимости пропаганды и агитаціи. Но всѣ согласились, что не слѣдуетъ игнорировать и другихъ средствъ воздѣйствія на агитаторовъ. Рѣшено послать депутатовъ къ архіерею и директору, огласить въ печати всѣ факты, какіе имѣ-

ются о провокаторской дѣятельности батюшекъ въ селахъ. Кромѣ того, рѣшено, „если жизни учителя въ деревнѣ будетъ угрожать опасность, благодаря стараніямъ какого-нибудь жандарма въ рясахъ, и учитель будетъ просить о переводѣ въ другое село, поддерживать его ходатайство предъ директоромъ“ („Сѣверный Кавказъ“, отъ 5 января).

Почтенна-ли такая дѣятельность руководителей дѣтей?! Въ чемъ проводится время на сѣздѣ ихъ, какъ не въ преступной политической агитации, направленной часто противъ воображаемыхъ враговъ?

Нѣтъ, честный учитель—тотъ, который чаще заглядываетъ въ свое я, въ свое личное настроеніе, который не бѣгаетъ съ приподнятымъ кулакомъ, а учитъ и другихъ опускать его, который дѣлается плотію отъ народной плоти и, питая его знаніями, самъ проникается духомъ любви къ его святымъ завѣтамъ, и къ пастырямъ-ревнителямъ и хранителямъ этихъ завѣтовъ.

Такіе и только такіе учителя и достойны работать на нивѣ дѣтскихъ сердець...

Изъ редакціи Троицкихъ Листковъ можно получить

ЗЕРНЫШКИ БОЖІЕЙ НИВЫ.

Троицкое чтеніе для дѣтей.

Цѣна каждого номера 5 коп. съ пересылкой 7 коп.

Къ 1-му Сентябрю 1906 года вышло 45 номеровъ

ВЫПИСЫВАЮЩІЕ ВСѢ НОМЕРА ЗЕРНЫШЕКЪ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ НЕ ПЛАТЯТЪ.

ЗЕРНЫШКИ МОЖНО ПОЛУЧАТЬ ОТДѢЛЬНЫМИ ТОМИКАМИ

для праздничныхъ дѣтскихъ подарковъ по 12 кн. въ каленк. пер.

Цѣна каждого тома въ переплетѣ 80 коп. съ пересылкой 1 руб.

Адресъ: Сергіевъ посадъ, Моск. губ., въ Редакцію „Троицкихъ Листковъ“

СОДЕРЖАНІЕ: За авторитетъ родителей. Д. Введенскаго.—Святая юность—отрадная старость (Воспоминанія). Д. М—на.—Изъ учительскихъ дневниковъ. Листки изъ дневника учителя-крестьянина. Е. Булкова.—На школьномъ питательномъ пунктѣ. Сяц. І. Молебнова.—Посѣвы и всходы. Изъ жизни церковно-приходскихъ школъ.—Изъ періодической печати. Мысли законоучителя.—Нашъ дневникъ. Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЕ: „Зернышки Божіей Нивы“, книжка 46-ая (четыре статьи).

Редакторъ Епископъ НІКОНЪ.

Печатать дозволяется. Визанія. Сентября 15 дня, 1906 года. Цензоръ, Ректоръ Визанской Духовной Семинаріи, Протоіерей А. Вгльевъ.

Типографія Свято-Троицкой Сергіевой Лавры.

Цѣна отдѣльному №—10 коп.

За перемѣну адреса 25 коп.

АДРЕСЪ:

Сергіевъ посадъ, Моск. губ., въ Редакцію „Божіей Нивы“

Подписная цѣна на журналъ 1 р. съ пересылкой ежемѣсячно.